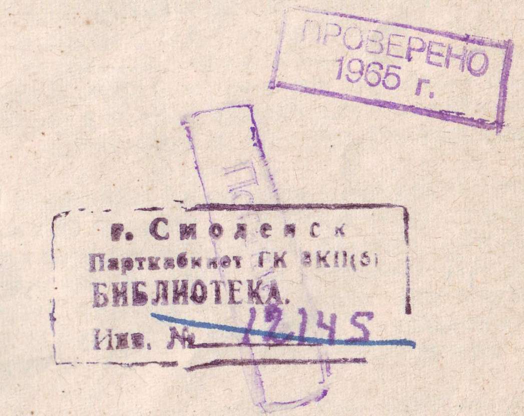

С К63.3(2Рос-4Смо)
Б-90
1997-С
3105
Д. БУДАЕВ
РАБОЧИЕ-
РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ
СМОЛЯНЕ

Д. БУДАЕВ

РАБОЧИЕ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ СМОЛЯНЕ

Смоленское книжное издательство
1957

ПРЕДИСЛОВИЕ

Советский народ под руководством Коммунистической партии построил в нашей стране социалистическое общество и успешно идет по пути к коммунизму.

В СССР осуществлено то, о чем сотни лет мечтали лучшие люди человечества, за что отдали свою жизнь многие выдающиеся представители рабочего класса, крестьянства и прогрессивной интеллигенции.

Особенно велики в освободительной борьбе заслуги рабочего класса России. Он сформировался в процессе развития и утверждения капиталистического производства в нашей стране. Только за период с 1865 по 1890 год число рабочих на крупных фабриках и заводах увеличилось с 706 тысяч до 1433 тысяч человек.

Основным источником пополнения рабочего класса было разоренное, обнищавшее крестьянство. В пореформенной России крестьянство расслаивалось, разлагалось. С одной стороны, выделялась кулацкая верхушка — сельская буржуазия, а с другой стороны — деревенская беднота, сельские пролетарии и полупролетарии. Последние разорялись, забрасывали свои мизерные клочки надельной земли и уходили в город «на заработки». Здесь они поступали на фабрики и заводы, нередко навсегда порывая с сельским хозяйством и превращаясь в кадровых промышленных рабочих.

Процесс «раскрестьянивания» захватил и Смоленскую губернию. Особенно ярко он был выражен в восточных уездах, которые находились ближе других к крупным промышленным центрам и раньше были втянуты в товарно-денежные отношения. Промышленный отход государственных и оброчных помещичьих крестьян на текстильные фабрики Москвы и Петербурга был сильно развит здесь уже накануне реформы 1861 года и особенно усилился после отмены крепостного права.

Возникновение и развитие пролетариата было наиболее важным явлением во всей истории России. В лице пролетариата на историческую арену выступил класс, который в дальнейшем вырос в вождя массового революционного движения, стал могильщиком

капитализма и возглавил борьбу народных масс с эксплуататорским строем, за победу нового, социалистического строя.

Революционная борьба рабочего класса началась с первых же дней его существования.

В 60-х годах, по неполным данным, было 10 стачек и 41 волнение рабочих[1]. В 70-е годы было уже 224 стачки и 102 волнения[2].

Стачки 70-х годов означали шаг вперед в развитии классового самосознания пролетариата. Особенно крупными из них были стачки на Невской бумагопрядильне в Петербурге в 1870 году, на Кренгольмской мануфактуре близ Нарвы в 1872 году и стачки 1878—1879 годов в Петербурге. Стачки 1878—1879 годов отличались бо́льшей организованностью и сплоченностью рабочих; на ход стачки оказало влияние участие в ней членов «Северного союза русских рабочих».

Дальнейшее расширение стачечной борьбы происходит в начале 80-х годов XIX века.

Основной слабостью рабочего движения 70-х—80-х годов была оторванность его от идей научного социализма, отсутствие социал-демократического руководства стачечной борьбой.

Революционную работу в то время вели народники. Они создавали среди рабочих кружки, распространяли нелегальные издания, организовывали занятия по общеобразовательным предметам. Народники были противниками марксизма, они не признавали самостоятельной роли пролетариата в революционном движении, считали его составной частью крестьянства, видели в рабочих лишь подходящих пропагандистов и агитаторов для революционной деятельности в деревне. Своей марксистской партии у рабочих тогда не было. Передовым рабочим приходилось начинать революционную деятельность под руководством народников.

Передовые рабочие еще в 70-х годах стали понимать необходимость собственной, рабочей организации, независимой от народников. В 1875 году в Одессе образовался «Южно-Российский союз рабочих», а в 1878 году в Петербурге возник «Северный союз русских рабочих». Это были первые самостоятельные организации рабочих, еще испытывавшие на себе большое влияние народнических идей.

Знаменитой Морозовской стачкой открылся новый этап рабочего движения. Он совпадает с первым периодом истории русской социал-демократии (1884—1894). В России зарождались марксистские кружки и группы.

Деятельность социал-демократов оказывала значительное влияние на рабочее движение. Но в этот период, несмотря на возросшие сознательность, организованность и большой размах рабочего движения, оно все же оставалось стихийным. У рабочего класса не было еще своего вождя — марксистской партии.

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. 1, стр. 35
[2] Там же, стр. 45.

Впервые соединять социализм с рабочим движением начал В. И. Ленин, создавший в 1895 году Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». «Союз борьбы» был зародышем марксистской партии в России.

Созданная на II съезде большевистская партия возглавила борьбу рабочего класса, вооружила его пониманием законов общественного развития, указала пути революционного преобразования общества, свержения господства капиталистов и установления диктатуры пролетариата.

К началу XX века, когда домонополистический капитализм превратился в капитализм монополистический, в империализм, российский пролетариат был самым революционным пролетариатом мира. Сконцентрированный на крупных и крупнейших предприятиях, руководимый марксистско-ленинской партией нового типа, рабочий класс России представлял могучую общественную силу, оказывающую решающее влияние на ход социально-экономического и политического развития страны. Центр революционного движения к началу XX века переместился в Россию.

В России того времени созревали предпосылки демократической революции, которая разразилась в 1905—1907 годах. Это была первая народная революция эпохи империализма. По своему содержанию она была буржуазно-демократической революцией. Она должна была ликвидировать самодержавие и установить в стране демократическую республику, уничтожить помещичье землевладение, ввести восьмичасовой рабочий день.

Революция 1905—1907 годов была глубочайшей народной революцией, в которой участвовали миллионы рабочих и крестьян. Пролетариат был в ней гегемоном (вождем). Его естественным и верным союзником было крестьянство, боровшееся против помещиков за землю. Рабочий класс и крестьянство явились главными движущими силами первой русской революции. В революционных боях 1905—1907 годов складывался союз рабочего класса и крестьянства — та общественная сила, которая обеспечила победу социалистической революции в октябре 1917 года.

Великая Октябрьская социалистическая революция означала коренной поворот в истории человечества. Победа Октябрьской революции и построение социализма в СССР имеют всемирно-историческое значение. Советский народ, претворивший в жизнь учение марксизма-ленинизма о построении социалистического общества, указывает трудящимся всего мира путь к счастливой и радостной жизни.

Наш народ, однако, никогда не забывает, что возможность самому строить свою жизнь — без эксплуататоров, без помещиков и капиталистов — завоевана трудом и кровью многих тысяч лучших людей России.

Среди этих тысяч людей был и П.Д. Алексеев

Советские люди, строя коммунизм, свято чтут память борцов, отдавших свою жизнь во имя великого дела свержения власти капиталистов и помещиков, во имя торжества идей марксизма-ленинизма.

В. И. Ленин в некрологе «Иван Васильевич Бабушкин» людей, подобных И. В. Бабушкину, назвал народными героями.

«Без таких людей, — писал он, — русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации» [1].

В настоящей книге делается попытка рассказать о выдающихся деятелях рабочего движения — уроженцах Смоленского края, об активных участниках борьбы за установление и упрочение Советской власти на Смоленщине. Изложенное лишь частично, далеко не полностью отражает тот героизм, те чудеса храбрости и самоотверженности, которые проявили смоляне в борьбе за свободу и счастье народа.

Кроме тех лиц, о которых рассказано в книге, не менее самоотверженно боролись сотни и тысячи замечательных людей из рабочих и крестьян.

Задача историков-краеведов — продолжать изучение истории борьбы нашего народа против эксплуататорского строя, выявлять новых участников этой борьбы.

Знакомство с жизнью и деятельностью выдающихся людей — активных участников революционного движения — будет содействовать воспитанию в советских людях чувства патриотизма, уважения к героическому прошлому Родины и таких качеств, как смелость, самоотверженность, бесстрашие в борьбе, большевистская принципиальность.

Круг революционеров-смолян, о которых рассказывают очерки, определяется прежде всего ролью этих людей в революционном движении. Хотя о Петре Алексееве написана книга и опубликовано в Смоленске две статьи [2], мы считаем, что данное издание было бы неполным без очерка о нем. П. А. Моисеенко — один из видных рабочих-революционеров, который вступил в революционное движение в 70-х годах прошлого века и участвовал в нем до Великой Октябрьской социалистической революции. Нам казалось необходимым рассказать читателям о Луке Иванове (Абраменкове) — активном участнике крупных петербургских стачек 1870-х годов и одном из организаторов знаменитой Морозовской стачки 1885 года, а также о П. А. Морозове, работавшем в Петербургском и Екатеринославском «Союзах борьбы за освобождение рабочего класса».

Смолянам хорошо известны имена В. З. Соболева, В. И. Смирнова и Я. Е. Демидова, активных борцов за установление Советской власти в нашем крае. Их жизнь и деятельность еще недостаточно изучены. Но мы считаем, что опубликование очерков о них поможет краеведам в сборе новых материалов о славных делах наших отцов, поможет воссоздать более полную картину революционной борьбы смолян и деятельности большевиков Смоленщины.

Рабочие-революционеры, о которых пойдет речь в книге, были по существу рядовыми участниками революционного движения, представителями миллионов героев, боровшихся не щадя сил за победу нового общественного строя.

Автор старался, насколько это возможно в очерках об отдельных людях, излагать материал на фоне борьбы трудящихся против самодержавия и капиталистического строя.

Большую помощь в работе над очерками о В. З. Соболеве, В. И. Смирнове и Я. Е. Демидове оказал П. С. Степанов, которому автор выражает глубокую благодарность.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 334.

[2] Каржанский Н. С., Московский ткач Петр Алексеев, Госкультпросветиздат, М., 1954; Материалы по изучению Смоленской области, Смоленск, 1952; «Смоленский альманах» № 11.

ВЕЛИКОЕ ПРОРОЧЕСТВО РУССКОГО РАБОЧЕГО-РЕВОЛЮЦИОНЕРА П. А. АЛЕКСЕЕВА

Одним из выдающихся деятелей рабочего движения прошлого века является П. А. Алексеев.

Петр Алексеевич Алексеев происходил из государственных крестьян[1] Смоленской губернии. Он родился 14 (26) января 1849 года в деревне Новинской, Сычевского уезда (ныне Баскаковский сельсовет Тумановского района)[2], Смоленской губернии. Семья отца П. Алексеева — Алексея Игнатовича — была многочисленной. Помимо Петра, у него были еще три сына — Игнат, Влас и Никифор и две дочери. Алексей Игнатович жил бедно. Постоянная нужда, безземелье, большие налоги вынуждали его с ранних лет отправлять своих сыновей на заработки в Москву или Петербург, на ткацкие фабрики.

С ранних лет был отправлен на заработки и Петр. Позже, в своей знаменитой речи на суде он говорил: «Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за это вознаграждения. Десяти лет, мальчишками, нас стараются проводить с хлеба долой на заработки». Петр Алексеев имел в виду в этой речи прежде всего свое безрадостное детство, прошедшее в изнурительном труде сначала в крестьянском хозяйстве отца, а затем в труде на эксплуататора-капиталиста.

Петр Алексеев работал сначала, примерно с 1859 года, на текстильных фабриках в Москве. В 1872 году он переехал на суконную фабрику англичанина Торнтона в Петербург.

[1] В отличие от помещичьих крестьян, принадлежавших дворянам, государственные (или казенные) крестьяне принадлежали государству (казне), в пользу которого несли феодальные повинности. Экономическое и политическое положение государственных крестьян было тяжелым, однако оно было несколько лучше, чем положение помещичьих крестьян.

[2] Н. С. Каржанский в книге «Московский ткач Петр Алексеев» (Госкультпросветиздат, 1954), основываясь на административном делении нашей области в 1920-х годах, ошибочно утверждает, будто П. А. Алексеев родился в Гжатском уезде.

П. А. АЛЕКСЕЕВ

Условия труда на текстильных фабриках в то время были исключительно тяжелыми. Пожалуй, нигде не было такого длинного рабочего дня, такой мизерной зарплаты, как на текстильных фабриках. Особенно тяжелой была жизнь детей и подростков. Наравне со взрослыми они работали по 17 часов в сутки, а зарабатывали в несколько раз меньше. «...Питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха; спим где попало — на полу, без всякой постели и подушки в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов...», — вспоминал П. А. Алексеев.

Петр Алексеев был живым и любознательным подростком. В возрасте 16—17 лет талантливый юноша, без помощи учителя, самоучкой научился грамоте. Он пристрастился к чтению. Но книги, которые он мог достать в фабричной библиотеке, ничему его не могли научить. «Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника? — говорил Алексеев на суде о таких библиотеках. — Где и чему они могут научиться? А загляните в русскую народную литературу! Ничего не может быть разительнее того примера, что у нас издаются для народного чтения такие книги, как «Бова королевич», «Еруслан Лазаревич», «Ванька Каин», «Жених в чернилах и невеста во щах» и т. п. Оттого-то в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно — забавное, а другое — божественное».

В 1873 году Петр Алексеев познакомился с революционерами-народниками и вступил в кружок рабочих, организованный ими.

Первым учителем П. А. Алексеева из числа народнической интеллигенции был С. С. Синегуб, принадлежавший к кружку чайковцев. Жил он в рабочем районе за Невской заставой. К нему-то и обратился первоначально П. А. Алексеев с просьбой подучить его «географии» и «геометрии». Некоторое время П. А. Алексеев занимался у С. Л. Перовской, а затем начал посещать вечернюю школу для рабочих, организованную кружком В. С. Ивановского. Помимо общеобразовательных предметов (русский язык, арифметика, физика, литература, история России), в школе было организовано изучение таких предметов, как история французской революции, политическая экономия и др. По воспоминаниям современников, П. А. Алексеев был самым ревностным и способным учеником.

Таким образом, Петру Алексееву пришлось изучать общественные науки, разбираться в сложных вопросах социально-экономических отношений тогдашней России под руководством народников. Народники 70-х годов были самоотверженными борцами против самодержавия, они честно стремились посвятить свою жизнь делу борьбы за народное счастье. Но они не понимали законов общественного развития. Они думали, что в России не будет развиваться капитализм, отрицали неизбежность капиталистического развития России, верили в «особый путь», в «самобытность» России. Они не верили в рост и развитие русского пролетариата. Они считали, что главной революционной силой является не рабочий класс, а крестьянство, руководимое интеллигенцией, что власть царя и помещиков можно свергнуть с помощью одних лишь крестьянских «бунтов».

Господство народнических утопических теорий объяснялось социально-экономической отсталостью России и слабостью рабочего движения, которое тогда находилось на начальных ступенях своего развития. Революционной политической партии, вооруженной передовой, единственно правильной марксистской теорией, у рабочего класса России тогда еще не было. А только такая партия могла правильно указать рабочим пути, средства и методы борьбы за свое освобождение.

В. И. Ленин писал, что среди деятелей эпохи 60-х—70-х годов «виднейшее место занимают рабочие Петр Алексеев, Степан Халтурин и др. Но в общем потоке народничества пролетарски-демократическая струя не могла выделиться. Выделение ее стало возможно лишь после того, как идейно определилось направление русского марксизма (группа «Освобождение труда», 1883 г.) и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895—1896 годов)»[1].

Вступив в кружки рабочих Петербурга, связанные с революционным народничеством 70-х годов, Петр Алексеев начал усиленно работать над собой. Первыми революционными книжками, прочитанными им, были книжки утопическо-социалистического содержания («Хитрая механика», «Сказка о четырех братьях и их приключениях», «История одного французского крестьянина», «Емелька Пугачев», «Дедушка Егор», «Сила соломинку ломит», «Сборник новых стихов и песен» и др.). Распространение этих книжек и брошюр, специально подготовленных народниками «для народа», занимало большое место в работе революционеров того времени.

Но Петра Алексеева, как и других передовых рабочих, вскоре перестали удовлетворять предлагаемые народниками книжки, большинство которых было рассчитано на отсталого, неподготовленного читателя. Петр Алексеев, не ограничиваясь занятиями в школе, часто приходил к своим учителям в так называемую «Монетную коммуну», то есть на квартиру центрального кружка В. С. Ивановского, находившуюся на Петроградской стороне, по Монетной (Вульфовой) улице. Он просил студентов найти для него какую-нибудь книгу посерьезнее, обращался за разъяснением непонятных мест из прочитанных книг. Вечера-беседы в «Монетной коммуне», в которых участвовал П. А. Алексеев, затягивались за полночь. Особенно интересовали Петра Алексеева общественные науки, прежде всего история и политическая экономия.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 224.

Из воспоминаний современников мы узнаём, что он увлекался историей французской революции, читал произведения деятеля германского рабочего движения середины XIX века Ф. Лассаля, общественно-политический журнал «Вперед» и другие революционные для того времени издания. Особенно следует подчеркнуть, что Петр Алексеев с успехом овладел фундаментальным трудом великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского «Примечания и дополнения к работе Дж. Ст. Милля «Основания политической экономии», который был высоко оценен К. Марксом.

П. Алексеев был хорошо знаком с историей революционного западноевропейского рабочего движения. Революционеры, познакомившиеся с Алексеевым в тюрьмах и ссылке, с удивлением отмечали, что этот человек, самостоятельно научившийся читать, ни в одном учебном заведении не обучавшийся, знаком с литературой по рабочему движению лучше многих интеллигентов. Сам П. Алексеев говорил впоследствии на суде, что он «несколько знаком с рабочим вопросом наших собратьев-западников».

Уже в 1873 году П. А. Алексеев проводил большую агитационную и организаторскую работу среди пролетариев суконной фабрики Торнтона, неутомимо разъясняя им необходимость борьбы с капиталистами и самодержавием, способствуя пробуждению классового самосознания рабочих. После того как его друг И. Т. Смирнов, видный рабочий-революционер 70-х годов, был взят В. С. Ивановским в библиотеку Медико-хирургической академии сторожем и хранителем нелегальной литературы, П. А. Алексеев остался руководителем кружка передовых рабочих на фабрике Торнтона.

Из воспоминаний современников видно, что вскоре П. А. Алексеев стал переходить для ведения революционной работы на другие фабрики Петербурга. Хорошо знавший его Ф. Волховский писал, что Алексеев вел пропаганду «со всею практичностью мужика и фабричного, знавшего, с какой стороны подойти к человеку своей среды и как с ним говорить. Он поступал на известную фабрику, работал на ней некоторое время и, когда убеждался, что колесо пропаганды пошло в ход, переходил на другую. Подчас ему приходилось скрываться внезапно, когда книжки попадались и ему грозила опасность немедленного ареста»[1]. Это же подтверждает и Н. Цвиленев[2]. Сам Петр Алексеев впоследствии на судебном следствии заявил, что он до 1874 года работал в Петербурге на различных фабриках, назвать которые не желает.

Петр Алексеев, начавший свою революционную деятельность под влиянием народников, был представителем совершенно другой общественной силы — пролетариата, который уже начинал пробуждаться. До рабочих доходили слухи о Парижской коммуне, о деятельности Международного общества рабочих — I Интер-

[1] Волховский Ф., Русский ткач Петр Алексеев, СПб, 1906, стр. 5—6.
[2] Цвиленев Н., Революционер-рабочий Петр Алексеев. М., 1928.

национала, руководимого Марксом и Энгельсом. С конца 70-х годов в России стали распространяться сочинения Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии», «Гражданская война во Франции», первый том «Капитала», которые пользовались в среде революционной интеллигенции большим успехом. Эти книги были знакомы и передовым рабочим. Некоторые из них даже ездили за границу, чтобы ближе познакомиться с западноевропейским рабочим движением и деятельностью I Интернационала. Это говорит о том, что у рабочих-революционеров начало пробуждаться недоверие к народникам.

Недовольство народниками, еще не осознанное как следует, захватило и Петра Алексеева. Только в этой связи можно понять высказывание о нем одного из видных деятелей революционного народничества И. С. Джабадари, который, описывая свою встречу с Алексеевым осенью 1874 года, указывал, что он, «довольно словоохотливый в своей среде», проявлял необыкновенную сдержанность в теоретических спорах с народниками. Он «...только изредка вставлял какие-нибудь иронические замечания; каждому из нас казалось, что он относится к нам с недоверием, что немало озадачивало нас...»[1].

В этой связи следует также рассматривать участие П. А. Алексеева в совещаниях рабочих, обсуждавших вопрос об отделении от кружка чайковцев. Одно из таких собраний рабочих (30—40 человек), представлявших несколько районов Петербурга, проходило на квартире П. А. Алексеева[2], которая была очень удобна по своему расположению для конспиративных собраний. На собрании было принято решение «более никогда не иметь никаких сношений с чайковцами, так как они постоянно только мутят рабочих и никогда от них нельзя ожидать никакого толку».

Однако надо иметь в виду, что организатор собраний народник Низовкин воспользовался этим недовольством в целях укрепления своей позиции в тех внутренних распрях, которые происходили между отдельными руководителями народнических кружков.

Никакого отделения рабочей организации от народнических кружков не произошло.

П. А. Алексеев, как и другие передовые рабочие 70-х годов, не мог в тех условиях освободиться от народнических взглядов. Рабочие не могли выработать у себя своими собственными силами социал-демократического мировоззрения.

И когда весной 1874 года народнические кружки захватила идея хождения «в народ», Петр Алексеев поддержал ее, высказался за «поход в народ» и уехал к себе на родину, в деревню Новинскую, с целью революционной агитации среди крестьян. Народники сначала пытались поднять крестьян на борьбу против

[1] «Былое» № 9, 1907, стр. 190.
[2] Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. 1, стр. 438—440.

царского правительства. Именно с этой целью они и начали поход в народ.

Петр Алексеев хотел практически осуществить замыслы народников. Он родился и вырос в деревне, знал быт, психологию, взгляды крестьян несравненно лучше, чем «пошедшие в народ» интеллигенты. К тому же он приехал в родные места, где у него были родственники, где он не мог вызвать быстрых подозрений полицейских властей. В деревне он распространял среди крестьян революционную литературу и вел беседы с ними. Но и у него революционная работа среди крестьян по плану народников не удалась.

Осенью 1874 года Петр Алексеев вернулся в Петербург, чтобы всецело посвятить себя революционной деятельности в пролетарской среде. Он установил тесные связи с передовыми рабочими заводов и железнодорожных мастерских, вел пропагандистскую работу в Воздвиженской рабочей артели на Лиговке.

В конце 1874 года Петр Алексеев, по предложению одного из организаторов народнического кружка «москвичей» И. С. Джабадари, переехал в Москву. В Петербурге к этому времени лучшие силы революционеров были разгромлены царским правительством. Обстановка подсказывала необходимость перенести революционную работу в другой промышленный центр, каким была Москва.

В Москве Петр Алексеев, его брат Никифор и переехавшие из Петербурга пропагандисты (Грачевский, Грязнов) примкнули к кружку пропагандистов («москвичей»), состоявшему в основном из бывших русских студенток Цюрихского университета (Софья Бардина, две сестры Любатович, три сестры Субботины, Бетя Каминская, сестры Вера и Лидия Фигнер и др.) и группы революционеров-«кавказцев» (И. Джабадари, М. Чикоидзе, Г. Здановнч, Цицианов и др.). «Фричи» (как называли себя девушки-студентки) и «кавказцы», объединив свои силы, приехали из-за границы для ведения противоправительственной социалистической пропаганды. «Социализм» новой народнической организации был утопическим, расплывчатым и неопределенным. Но «москвичи» были самоотверженными людьми, они беззаветно отдались революционной борьбе, шли на любой риск во имя лучшего будущего своего народа.

В течение нескольких месяцев революционной пропагандой было охвачено до двадцати фабрик и заводов Москвы (фабрики Трофимова, Тимашева, Носова, Горячева, братьев Гучковых, братьев Тюляевых, Соколова, Шибаева, братьев Сапожниковых, Емельянова и Рошфор, Лазарева, Гюбнера и др.) и многие железнодорожные, кузнечные, столярные и слесарные мастерские.

Петр Алексеев хорошо знал среду, в которой он вел революционную работу, знал, о чем и как надо вести беседы, что было основой успехов в его революционной деятельности. Из числа передовых рабочих он создал центральный кружок (Николай Васильев, Иван и Прокофий Бариновы, Филат Егоров, Никифор Алексеев — брат Петра Алексеева, Семен Агапов и др.). По заданию Алексеева члены центрального рабочего кружка распространяли революционные брошюры, разъясняли рабочим их положение, призывали к борьбе, создавали новые кружки. Алексеевым были организованы две конспиративные квартиры, с помощью которых осуществлялось руководство деятельностью разветвленной сети кружков рабочих, созданных в Москве.

В. И. Ленин высоко оценил деятельность таких кружков, как центральный кружок П. Алексеева. «...кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, — писал В. И. Ленин, — доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса» [1].

В 1875 году Петр Алексеев принял участие в выработке устава «Всероссийской социально-революционной организации» и некоторую его часть написал своей рукой. Он одним из первых вошел в число действительных членов новой организации. Члены ее должны были выехать в другие города для расширения революционной работы. Петр Алексеев решил поехать в Иваново-Вознесенск. Однако привести в исполнение задуманный план не удалось.

В ночь с 3 на 4 апреля 1875 года вместе с восьмью другими членами кружка «москвичей» Петра Алексеева арестовали жандармы. К этому времени Алексеев стал уже выдержанным и стойким революционером, сознательно шедшим на борьбу с самодержавием и капиталистами. От Петра Алексеева жандармы не узнали ничего, как они ни бились на предварительном следствии, тянувшемся около полутора лет. Петр Алексеев отказался назвать фабрики и заводы, на которых он работал в Петербурге почти в течение трех лет, отрицал свое знакомство с арестованными вместе с ним людьми, заявлял, что никогда, никому никаких нелегальных книг не раздавал, в революционной пропаганде не участвовал.

Царское правительство доверяло рассмотрение политических дел лишь тем органам юстиции, в верноподданнической преданности которых оно не сомневалось. Судом по делам о государственных преступлениях было особое присутствие правительствующего сената.

По числу подсудимых процесс над «москвичами» вошел в историческую литературу под названием процесса 50-ти. Начался он 21 февраля 1877 года в зале Петербургского окружного суда. Формально дело 50-ти рассматривалось при открытых дверях.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 416.

Но фактически лишь немногим представителям революционно настроенной интеллигенции, а тем более рабочим, удавалось проникнуть в здание, где шел суд. Зал судебного заседания был заполнен «избранной» публикой, приглашенной сюда по особым билетам.

Обвиняемые держались на суде дружно, сплоченно, единой семьей. Большинство членов кружка «москвичей» в интересах сохранения от разгрома оставшихся на воле революционеров на вопрос председателя суда, признают ли они себя виновными в создании революционной организации и участии в ее работе, ответили отрицательно.

Наиболее выдержанным и стойким было поведение на суде Петра Алексеева. В отличие от многих подсудимых, отказавшихся признать свою вину, Петр Алексеев избрал более высокую форму поведения революционера, попавшего на суд к своему врагу — царизму. Он отказался от показаний, заявив, что не признает царского суда, а в ходе рассмотрения дела смелыми и остроумными замечаниями по поводу показаний свидетелей приводил в бешенство судей.

От защиты Петр Алексеев отказался.

«Что мне защита? — заявил он. — Какой смысл имеет защита, когда всякому известно, что в подобных процессах приговор суда бывает составлен заранее так, что этот суд есть не более как комедия: защищайся, не защищайся, все равно. Я отказываюсь от защиты» [1].

А 9 (21) марта 1877 года [2] Алексеев произнес свою, ставшую знаменитой, защитительную речь, в которой он, по словам Г. Плеханова, *«не защищался и не оправдывался, а напротив, обвинял* правительство и капиталистов» [3].

Петр Алексеев хорошо оценил огромное политическое значение революционного выступления на суде. Он тщательно подготовился к своему выступлению, заранее продумал содержание речи и полностью написал ее текст, а затем проконсультировался с товарищами, которые посоветовали ему сократить длинноты, помогли исправить грамматические ошибки и улучшить стиль. После этого Алексеев заучил свою речь наизусть, чтобы не сбиться при возможных неожиданностях со стороны суда.

До произнесения речи часто репетировался, заставляя своих товарищей изображать «суд». Во время одной из таких репетиций один из товарищей Петра Алексеева Чикоидзе перебил его обычным председательским окриком: «подсудимый, остановитесь!» Петр Алексеев, повысив голос, оттолкнул пытавшегося остановить

---

[1] Плеханов Г. В., Соч., т. III, стр. 112.

[2] Н. С. Каржанский в книге «Московский ткач Петр Алексеев» убедительно доказал, что речь была произнесена не 10 (22) марта, как считалось до сих пор, а 9 (21) марта 1877 года.

[3] Плеханов Г. В., Соч., т. III, стр. 112.

его товарища. «Ишь ты какой, хотел меня сбить, нет, брат, теперь не собьешь», — заявил он.

В своей речи Петр Алексеев обрисовал ужасные условия, в которых жил рабочий класс царской России. Он страстно обличал капиталистов и самодержавие, обвинял их в жестокой эксплуатации и издевательствах над трудящимися. Все, что говорил Алексеев, было им глубоко продумано, прочувствовано, пережито самим.

Петр Алексеев начал свою знаменитую речь с характеристики тяжелых условий юношей и девушек, с раннего детства подвергавшихся капиталистической эксплуатации.

Не лучше было положение взрослых рабочих.

Заработную плату взрослому рабочему довели до минимума, рассказывал Петр Алексеев на суде, но и из этого заработка капиталисты без зазрения совести самыми различными способами стараются отнять последнюю трудовую копейку. Капиталисты нередко заставляют рабочих работать на них без платы, по всякому поводу и без повода штрафуют их.

И этот грабеж, с горечью говорил Петр Алексеев, капиталисты считают доходом! Рабочие, «боясь лишиться куска хлеба, который достается им 17-часовым дневным трудом», вынуждены терпеть эти злоупотребления.

Гневно звучала на суде обличительная речь Алексеева, полная революционного пафоса.

Рабочие в царской России не имеют возможности учиться, им закрыт доступ к культуре. За неимением школ и времени, не получают никакого воспитания дети, которых десяти лет, мальчишками, родители стараются проводить на заработки. Нет свободного времени для занятий и взрослого рабочего. Но дело не только во времени. Эксплуататорские классы сознательно стараются держать трудящихся в невежестве. Если бы рабочий и нашел время для чтения, ему не удалось бы найти книжку, в которой правильно освещаются законы общественного развития, которая бы помогла ему понять свое положение и указала бы путь избавления от эксплуататоров.

— Я думаю, — говорил Алексеев, — каждому известно, что у нас в России рабочие все еще не избавлены от преследований за чтение книг, а в особенности, если у него увидят книгу, в которой говорится о его положении, — тогда уж держись! Ему прямо говорят: «ты, брат, не похож на рабочего, ты читаешь книги».

В этих словах незаметно даже иронии, замечает П. Алексеев. В России походить на рабочего то же, что походить на животное, рабочий народ в царской России остается, в «первобытном положении», рабочих ругают дураками, лентяями, пьяницами. О рабочих отзываются как о народе рабском, полудиком.

Петр Алексеев понимал, что если рабочие и крестьяне царской России низведены до «первобытного положения», то в этом виноваты не сами русские рабочие и крестьяне, а социально-эко-

номические условия, прежде всего капиталисты, помещики, самодержавие. Что касается русских рабочих и крестьян, то они понимают свое положение, разбираются в эксплуататорской сущности самодержавно-крепостнического строя, и придет время, когда они свергнут этот ненавистный эксплуататорский строй.

— Неужели мы не видим, как вокруг нас все богатеют и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можем сообразить и понять, почему это мы так дешево ценимся и куда девается наш невыносимый труд? Отчего это другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство?.. Те люди, которые такого мнения о рабочем народе, что он не чувствителен и ничего не понимает, глубоко ошибаются. Рабочий же народ смотрит на это, как на временное зло, как и на самую правительственную власть, временно захваченную силой, и только для одного разнообразия ворочащую все с лица да наизнанку.

Когда Петр Алексеев сказал, что русскому рабочему народу остается только надеяться самому на себя, председатель суда вскочил и, стараясь прервать подсудимого, закричал: — Молчать! Замолчите!

Но Петр Алексеев, подняв руку, громко, с подъемом продолжал свое выступление:

— ...подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда...

Председатель истерически закричал:

— Молчать! Молчать!

Но Алексеев своим энергичным мощным голосом, заглушив истерические вопли сенатора, закончил речь пророческими словами о неизбежности падения самодержавия, предсказанием неизбежности социалистической революции:

— ...и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!..

Петр Алексеев, лучшую часть своей жизни работавший в составе революционных народнических организаций, не смог подняться до марксистского понимания социально-экономического и политического развития России. Он, по условиям своего времени, не мог понять всемирно-исторической роли пролетариата, как могильщика капитализма, не понимал, что только рабочий класс является единственным до конца последовательным революционным классом, способным возглавить революцию и довести ее до конца. Он не считал рабочий класс самостоятельным классом, не выделял его из общей массы «рабочего люда», «рабочего народа».

Речь Петра Алексеева показывает также, что он неправильно оценивал значение революционной народнической интеллигенции, не понимал отрицательного влияния идеологии народников на рабочий класс, мешавшей пролетариату понять его всемирно-историческую роль.

Но это не вина П. А. Алексеева. В 70-х годах прошлого столетия Россия, несмотря на быстрое развитие капитализма, была от-

сталой в экономическом отношении, мелкобуржуазной, крестьянской страной. Рабочий класс был еще слаб, у него не было своей самостоятельной марксистской партии. Революционную работу в России вели в это время народники — противники марксизма. Своими же собственными силами рабочие не могли выработать у себя социал-демократического мировоззрения.

Но эти недостатки, «слабые места» речи Петра Алексеева, являвшиеся выражением социально-экономической и политической отсталости России, не снижают огромного значения ее, не умаляют роли выдающегося рабочего-революционера.

Речь Петра Алексеева была страстным обличением самодержавия, помещиков и капиталистов, открытым бесстрашным призывом к свержению самодержавно-крепостнического строя. Каждое слово убежденного рабочего-революционера, стойкого защитника угнетенных, обездоленных пролетариев ударом тяжелого молота обрушивалось на самодержавно-крепостнический строй.

Речь рабочего-революционера была неожиданна и произвела огромное впечатление. По словам одного из адвокатов, присутствовавших на заседании суда, не только публика, но даже судьи, часовые будто окаменели. Если бы Алексеев после речи повернулся и вышел, его бы в первую минуту никто не остановил: до того все растерялись, утверждает этот очевидец.

Попытка самодержавия показать с помощью открытого суда, что будто в России нет почвы для революционной пропаганды, что в России нет революционно настроенных рабочих, провалилась. Господствующие классы с ужасом увидели среди «кучки нигилистов», как они называли немногочисленных в то время революционеров, сознательных представителей забитого, темного, подневольного рабочего класса. Последние не только участвовали в революционной деятельности вместе с народнической интеллигенцией, но и со скамьи подсудимых бросили в лицо надменным сенаторам, а через их головы правительству и самодержцу-царю страшные обвинения и предсказания неминуемой гибели.

Царское правительство пыталось предотвратить широкую огласку речи Петра Алексеева. В официальном отчете о процессе 50-ти подробно излагались речь прокурора и другие материалы, речи же подсудимых были удостоены лишь самого краткого упоминания. В частности, было сказано, что «один из подсудимых, а именно крестьянин Алексеев, позволил себе в конце своей речи дерзкие выражения», за что будто бы был остановлен председателем суда [1].

Но такое полное умолчание не предотвратило широкой огласки речи. Письменный текст речи был тотчас передан на волю и немедленно отпечатан отдельным листком. Как вспоминал один из современников, Э. К. Пекарский, отпечатанные нелегально оттиски речи Алексеева распространялись среди тогдашней моло-

[1] Процесс пятидесяти, изд. Саблина, М., 1906, стр. 155.

дежи и зачитывались в буквальном смысле до дыр. Впечатление было ошеломляющее, неизгладимо сильное. Сильнейшие места речи облетели всю Россию и произвели впечатление пушечного выстрела по существующему строю. Речь Алексеева проникла в самое сердце и душу тогдашней молодежи, которая страстно желала посвятить все свои силы для облегчения народных страданий [1].

Все передовые люди внимательно следили за процессом 50-ти, одобряли стойкое поведение подсудимых-революционеров, особенно П. А. Алексеева. Больной поэт Н. А. Некрасов незадолго до смерти переписал свое стихотворение «Смолкли честные, доблестно павшие», написанное пять лет назад по случаю разгрома Парижской коммуны, и переслал его в тюрьму Петру Алексееву. Внимательно следили за процессом 50-ти русский писатель И. С. Тургенев, поэт Я. П. Полонский, посвятившие женщинам — участницам процесса свои вдохновенные стихотворения.

Речь Петра Алексеева до самой Октябрьской революции неоднократно переиздавалась, пользовалась широкой популярностью среди рабочих и служила могучим средством их воспитания. В 1889 году она была издана за границей первой русской марксистской группой «Освобождение труда». Г. В. Плеханов написал предисловие к речи Алексеева, в котором разъяснил ее наиболее важные места. Он отметил, что знаменитые слова Алексеева: «Русскому рабочему народу остается надеяться только на самого себя» — правильно указывают пролетариату пути к своему освобождению. Рабочий класс не должен рассчитывать ни на правительство, ни на «образованные классы», рабочие должны сделать революцию, свергнуть самодержавие, захватить власть в свои руки и расправиться со своими притеснителями по-своему. Г. В. Плеханов отметил, что эти слова перекликаются с основным положением устава I Интернационала: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

Приводя слова заключительной части речи Алексеева, где он с увлечением отзывается об интеллигентной молодежи, Г. В. Плеханов указывал, что в этих словах Алексеева много правды: «Революционеры из «студентов» много сделали для рабочих». Но Плеханов предупреждает, что рабочие должны доверять не всем интеллигентам, а только тем, кто целиком перешел на сторону революционного пролетариата. Он призывает рабочих не доверять и не идти с теми интеллигентами, которые забыли о народе и «прямо говорят против рабочего класса». Рабочие не должны забывать теперешнего отношения к ним подобных господ «интеллигентов». Но, относясь таким образом к «интеллигентам», желающим «обойтись без рабочих», русские рабочие должны тем более дорожить поддержкой тех революционеров из «интеллигентной молодежи», которые целиком перешли на их сторону и стараются теперь же, несмотря на опасность, распространять между ними

[1] «Былое» № 19, 1922, стр. 80.

правильные взгляды на вещи. Такие люди являются истинными друзьями рабочих и к ним вполне может быть применено все сказанное Петром Алексеевым об «интеллигентной молодежи»[1].

Такое разъяснение к речи Петра Алексеева в условиях 80-х и 90-х годов XIX века было необходимым и правильным. Высокая оценка, данная Алексеевым интеллигенции, относилась к народникам 70-х годов, которые были самоотверженными борцами с самодержавием во имя народного счастья. Народники 80-х и 90-х годов отказались от революционной борьбы с царским правительством, проповедовали примирение с царским правительством. Истинными друзьями рабочего класса оставались только те из интеллигентной молодежи, кто, подобно Плеханову, перешел на позиции марксизма.

Плехановское предисловие к речи Петра Алексеева было известно Фридриху Энгельсу.

Фридрих Энгельс возражал против опубликования в немецкой газете «Социал-демократ» нападок Бека на предисловие Плеханова о речи Петра Алексеева. Клеветническую статью Бека Энгельс назвал «набором слов» [2].

Энгельс поддерживал опубликование предисловия Плеханова в центральном органе немецкой социал-демократии, предлагал группе «Освобождение труда» составить достойный ответ на статью Бека.

Исключительно высокую оценку речи П. Алексеева дал В. И. Ленин. В программной статье «Насущные задачи нашего движения», помещенной в № 1 газеты «Искра», В. И. Ленин назвал речь Петра Алексеева на суде «великим пророчеством русского рабочего-революционера» [3].

Царский суд жестоко расправился с рабочим-революционером. Хотя улик было немного, Петр Алексеев получил самое суровое наказание. 14 (26) марта 1877 года он был присужден к лишению всех прав состояния и каторжным работам в крепостях сроком на 10 лет. После своей замечательной революционной речи он показался сенаторам особенно опасным для «общественного порядка» Российской империи.

До 1880 года Петр Алексеев отбывал свое наказание в Новобелгородской центральной каторжной тюрьме (в Харьковской губернии), которая была специально построена в 70-х годах для полного обособления от мира наиболее опасных для царизма «преступников». Режим в этой тюрьме настолько был суров, что сидевших здесь политических заключенных прозвали «заживо погребенными».

После непродолжительного пребывания в Мценской пересыльной тюрьме (осень 1880 — весна 1881 годов) Петр Алексеев был

[1] Плеханов Г. В., Соч., т. III, стр. 115—116.
[2] Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, 1947, стр. 261.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 346.

отправлен в Сибирь, в Карийскую каторжную тюрьму, за несколько тысяч километров от Центральной России.

По окончании срока каторги, в 1885 году предстоял выход на поселение. Сначала Петра Алексеева поселили в Сасысский наслег (сельское общество) Баягантайского улуса (волости) Якутского округа. Это была низкая, болотистая местность, неудобная для хлебопашества и с вредным для здоровья климатом. Петр Алексеев прожил здесь год, пробовал заняться хлебопашеством, но ничего не вышло. Через некоторое время он был переведен в Жулейский наслег Батурусского улуса Якутского округа, который считался лучше Баягантайского улуса.

Тюрьмы и ссылки не сломили рабочего-революционера. Благодаря огромной силе воли, убежденности в правоте своего дела, стойкости он выдержал суровые испытания. К этому надо добавить, что Петр Алексеев был человеком крепкого здоровья и огромной физической силы.

В тюрьмах и ссылках Петр Алексеев много работал над собой. Он много читал. Один из товарищей Алексеева по Карийской тюрьме вспоминал, что Алексеев целые дни проводил лежа на нарах с книгой в руках. «Постоянное чтение книг, при неудобном освещении, расстроило зрение Петру. Наш доктор Веймар соорудил ему зеленый козырек. Петруха не хотел совершенно бросить чтение»[1]. По воспоминаниям якутов, лично знавших революционера в период жизни его в ссылке, в юрте на столах у Алексеева лежало всегда много книг, газет и журналов, на чтение которых он тратил значительную часть своего времени.

В юрте Алексеева у упорного углового сруба были полки с книгами, письменными приборами и другими принадлежностями. Якуты не раз видели Алексеева с книгой в руках на любимом им кургане, находившемся неподалеку от его жилища[2].

Есть основание предполагать, что за время пребывания в тюрьмах и ссылках Петр Алексеев познакомился и с марксистской литературой. Участвуя в теоретических спорах, как вспоминают современники, он обычно ссылался, в подтверждение своих слов, на авторитет Карла Маркса.

Петр Алексеев не прекращал борьбы в тюрьмах и ссылках. В 1878 году он принял участие в продолжительной голодовке узников Новобелгородской центральной тюрьмы, приведшей на короткое время к некоторому смягчению тюремного режима. Голодовка была единственным доступным средством борьбы против издевательств и нечеловеческих условий тюремного быта. По пу-

[1] «Былое» № 10, 1907, стр. 112—113.

[2] См. об этом в альбоме планов, схем, рисунков, чертежей, изготовленных по заказу Смоленского областного краеведческого музея старшим инспектором Министерства культуры Якутской АССР П. В. Поповым, лично знавшим в детстве П. Алексеева. Альбом хранится в фондах Смоленского областного краеведческого музея.

ти следования из Центральной России в Якутию он неоднократно сталкивался с конвоирами и начальствующими лицами, требуя вежливого обращения с политическими ссыльными. За это он однажды был наказан продлением на несколько недель срока каторжных работ.

Перед отправлением на Кару Алексеев, вместе с другими политическими заключенными, выразил протест против намерения тюремного начальства сбрить половину головы каторжникам; администрации пришлось уступить. В Карийской тюрьме он участвовал в 13-дневной голодовке в знак протеста против сурового режима. А когда перед коронацией Александра III в 1883 году на Кару приезжал флигель-адъютант Норд собирать прошения о помиловании, П. А. Алексеев отказался подать такое прошение, и манифест царя о помиловании на него не был распространен.

В 1886 году после избиения якутами двух политических ссыльных в ночь с 11 на 12 апреля в Батурусском улусе Алексеев подписал коллективный протест, в котором излагались причины, сделавшие возможным такое нападение.

«Мы думаем, — писалось в этом документе, — что явления эти вызваны, во-первых, гласной рассылкой циркуляров, унижающих наше достоинство в глазах якутов; содержание этих бумаг быстро распространялось при посредстве родовых управлений и полуграмотных старост среди населения и, будучи перетолковано и понято ими по-своему, сводит нас в глазах этих дикарей на степень находящихся вне всякого закона и защиты злодеев, убийц и воров... а безнаказанность за самовольные и кровавые с нами расправы считается населением долгой практикой обеспеченною. Во-вторых, возбуждающими страсти инородцев пояснениями и внушениями, которые позволяют себе иногда делать местному населению по отношению к нам полицейские чиновники», которые нередко старались возбудить ненависть у местных жителей к политическим ссыльным[1].

За долгие годы, проведенные в заточении, Петр Алексеев много передумал, он еще более закалился как революционер, в нем еще больше окрепла вера в торжество того дела, которому он посвятил свою жизнь. Один из его современников прямо заявляет, что в тюрьме Петр Алексеев держался особняком со своей идеей будущего торжества рабочего класса в России.

Петр Алексеев никогда не оставлял мысли о продолжении революционной борьбы. Чтобы вновь вернуться к революционной работе, он готовил побег, получил от товарищей для этой цели некоторую сумму денег. Чтобы не тратить на пропитание получаемого им казенного пособия, Петр Алексеев завел в Якутской ссылке хозяйство, занимался огородничеством. Но осуществить

[1] Кротов М. А., Якутская ссылка 70-х—80-х годов. Исторический очерк по неизданным архивным материалам, 1925, стр. 124.

побег Петру Алексееву не удалось. 16(28) августа 1891 года он был убит бандитами с целью грабежа.

Убийцами Петра Алексеева были кулак Абрамов и содержатель обывательской станции Сидоров.

Трудящиеся же якуты с любовью относились к рабочему-революционеру, помогали ему оборудовать юрту, вести хозяйство. Между ними и Петром Алексеевым установились теплые товарищеские отношения. Алексеев нередко бывал в гостях у некоторых якутов, которые также заходили к нему, взаимно угощали друг друга. Петр Алексеев давал якутам деньги взаймы и, как вспоминают, к моменту убийства ему были должны до 60 рублей.

Якуты бережно хранят память о Петре Алексееве, отдавшем свою жизнь за освобождение всех трудящихся России от ига эксплуататоров. Сохраняется юрта, где жил П. А. Алексеев. В 1932 году, в связи с празднованием десятилетия Якутской АССР, у юрты П. Алексеева была сооружена трибуна; на центральном флаге, установленном над трибуной, были написаны слова: «К десятилетию ЯАССР сельхозартель «Единение — сила» памятует своего первого друга—революционера Петра Алексеева».

У этой трибуны происходили многолюдные митинги в дни десятилетия Якутской Автономной социалистической республики, пятидесятилетия со дня смерти П. Алексеева (1941) и столетия со дня рождения (1949).

В 1931 году, отмечая сорокалетие со дня смерти П. Алексеева, колхозники-якуты на вершине кургана, куда часто приходил ссыльный революционер отдохнуть, полюбоваться сибирской природой, почитать, погрустить о своей далекой родине, установили пятиметровый столб с металлическим красным флажком.

Колхоз «Единение — сила» носит в настоящее время имя Петра Алексеева, а юрта, в которой жил П. Алексеев, реставрирована и превращена в Дом-музей Петра Алексеева. Она, как исторический памятник, взята на государственный учет [1].

Именем Петра Алексеева в Якутии назван Таттинский районный краеведческий музей, одна из главных улиц районного центра села Ытыккэля, а также одна из улиц столицы Якутской АССР города Якутска.

Царское правительство и после смерти Петра Алексеева не чувствовало себя спокойным. Департамент полиции не был уверен в достоверности слухов об убийстве Алексеева и разослал циркуляр о его поиске. «Поселенный на Жулейском наслеге Батурусского улуса Якутской области государственный преступник Петр Алексеевич Алексеев 16 августа сего года бежал из места поселения и, несмотря на все принятые местными властями ме-

---

[1] В 1952 году столб был заменен трехметровым памятником, сооруженным по проекту старшего инспектора Министерства культуры Якутской АССР П. В. Попова. См. его воспоминания о Петре Алексееве в последние дни его жизни в якутской ссылке, хранящиеся в научном архиве Смоленского областного краеведческого музея.

ры, остался до настоящего времени неразысканным, — говорилось в этом документе. — Названный Алексеев, крестьянин дер. Новинской Сычевского уезда Смоленской губернии, по ремеслу слесарь [1], в 1875 году привлекался к дознанию по обвинению в распространении революционных изданий и преступной пропаганде среди московских фабричных и по приговору Особого Присутствия Правительствующего Сената от 14 марта 1877 года присужден к лишению всех прав состояния, к ссылке в каторжные работы в крепостях на 10 лет. На суде Алексеев произнес речь весьма возмутительного содержания, которая впоследствии была отлитографирована и напечатана за границей и даже до сего времени вращается в революционной среде, служа излюбленным орудием пропаганды.

При этом следует заметить, что Алексеев, происходя из простого звания, обладая природным умом и бесспорным даром слова, представляет собою вполне законченный тип революционера-рабочего, закоренелого и стойкого в своих убеждениях, и едва ли после побега удовольствуется пассивной ролью, а, напротив, воспользуется обаянием своего имени в революционной среде и несомненно перейдет к активной деятельности, которая может оказаться, в особенности же в пределах Империи, весьма вредною для общественного порядка и безопасности».

Департамент полиции предлагал губернским жандармским управлениям принять все меры к разысканию Алексеева [2].

* * *

Пророчество П. А. Алексеева о ниспровержении эксплуататорского строя сбылось в СССР. Великая Коммунистическая партия, созданная В. И. Лениным, возглавила борьбу рабочего класса и всех трудящихся за свое освобождение, организовала союз рабочего класса и крестьянства и привела народы России к победе Великой Октябрьской социалистической революции, к построению социализма в нашей стране.

---

[1] На самом деле — ткач.
[2] «Былое» № 10, 1907.

ОРГАНИЗАТОР МОРОЗОВСКОЙ СТАЧКИ ПЕТР АНИСИМОВИЧ МОИСЕЕНКО

П. А. Моисеенко родился в 1852 году в деревне Обыденной Кравцовской волости Сычевского уезда (ныне Новодугинский район) Смоленской губернии.

Детство П. А. Моисеенко проходило в период, непосредственно предшествовавший «крестьянской реформе» 1861 года.

В России преобладало еще крепостническое хозяйство дворян-помещиков, но феодально-крепостнический способ производства разлагался, уступая место новому, капиталистическому строю. Разложение крепостной системы сопровождалось усилением эксплуатации, ухудшением положения крестьян. С каждым годом росло число крестьянских «бунтов» против помещиков.

Крепостное право оставило в памяти П. А. Моисеенко тяжелые воспоминания. Большая семья отца (у Петра Моисеенко было два брата — Григорий и Алексей и две сестры — Матрена и Наталья) испытывала постоянную нужду. «Детство прошло в самых тяжелых условиях», — писал он о себе впоследствии. Мальчику было не более пяти лет, когда умерла его мать. Ребенок часто болел, «перенес оспу и другие болезни».

С детских лет П. А. Моисеенко вынес горячую ненависть к крепостному праву, к эксплуататорскому строю, к помещикам-крепостникам, ко всем врагам трудящихся. Иначе не могло и быть. «Я хорошо помню крепостное право, и сам был бит барином, хотя мне было не более пяти лет», — с горечью писал он в своих воспоминаниях.

Мальчику было восемь лет, когда в России было отменено крепостное право. Реформа 1861 года, по определению В. И. Ленина, была шагом по пути превращения России в буржуазную монархию. Россия вступила в новую, капиталистическую стадию своей истории. Развитие капитализма, захватившее и деревню, приводило к тому, что крестьянство, самый многочисленный класс дореволюционной России, распадалось, расслаивалось. Из наиболее зажиточных крестьян выделялась кулацкая верхушка, деревенская буржуазия, а с другой стороны, многие крестьяне

П. А. МОИСЕЕНКО

разорялись, увеличивалось количество крестьянской бедноты, деревенских пролетариев и полупролетариев. Разоряясь, беднейшие крестьяне засевали незначительные клочки земли, остальную же землю сдавали кулакам, а сами уходили в города, на заработки, пополняя собой ряды промышленного пролетариата.

Этот процесс «раскрестьянивания» захватил и родину П. А. Моисеенко — Сычевский уезд, откуда крестьяне, ограбленные помещиками при «освобождении», задавленные нуждой, малоземельем и огромными податями, отправлялись на заработки, преимущественно на текстильные фабрики Москвы и Петербурга.

В 1866 году был направлен из родной деревни в Москву на заработки и П. А. Моисеенко. Ему было тогда 13 лет. Сначала мальчика определили присучальщиком на суконной фабрике Гучкова, затем он служил мальчиком в красильне на ситценабивной фабрике Цинделя. В течение нескольких лет Моисеенко сменил ряд фабрик. Попал даже в ученье по торговой части в овощную лавку Филатова в Петровско-Разумовское, а потом в лавку Андреева [1].

Когда Петру Анисимовичу исполнилось 18 лет, родные подыскали молодому человеку невесту и женили его. Некоторое время молодожены жили в деревне, помогая отцу в хозяйстве. Но нужда заставила Петра Моисеенко снова перебраться в город.

В 1871 году П. А. Моисеенко, вместе с женой Екатериной Сазоновной, поселился в Орехово-Зуеве и поступил ткачом на фабрику Зимина.

Положение рабочих на фабрике Зимина, как и на других текстильных предприятиях, было исключительно тяжелым. Нужда и бесправие толкали рабочих на борьбу с капиталистами.

Как уже говорилось, в России, в силу ее социально-экономической отсталости и слабости рабочего движения, не было тогда марксистской рабочей партии. Многим передовым рабочим начала 70-х годов приходилось делать первые шаги в своей революционной деятельности под влиянием народников. Так случилось и с Моисеенко.

Еще в деревне, в возрасте 12 лет, он почти самоучкой научился грамоте и с тех пор пристрастился к чтению. Сначала он брал книги из фабричной библиотеки. «Кое-что читал, например, Фенимора Купера и т. п. литературу», — вспоминал об этом времени сам Моисеенко. Но вскоре ему попалась в руки нелегальная литература. Один его товарищ привез с Нижегородской ярмарки несколько народнических брошюр: «Сказка о четырех братьях», «Хитрая механика», «Сказка о копейке», сборник революционных стихов и песен. На Моисеенко и его друга эти книги произвели огромное впечатление. «О что тогда было! Мы с товарищем зачитывались, не верили себе и удивлялись тому, что читали. Мысль

---

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. 1, стр. 163.

заработала: мы стали доискиваться правды». По словам Петра Анисимовича, со знакомства с революционной литературой началось его отрешение «от старого религиозного мировоззрения» и пробуждение «к новой жизни» [1].

Следующий шаг в формировании его как революционера был сделан в 1873 году, когда Петр Анисимович, переехав в Петербург и остановившись у земляков, устроился ткачом на миткалевую фабрику Шау. В Петербурге в это время пропаганду среди рабочих вело несколько народнических кружков. В один из них и вступил двадцатилетний ткач Петр Анисимов [2]. Он писал позже в своей автобиографии: «В 1873 году я попадаю в Петроград, становлюсь членом кружка Нарвского района, посещаю студенческие собрания, втягиваюсь все больше в подпольную работу, знакомлюсь с передовыми работниками того времени» [3].

В 1876 году он сблизился с новым, только что созданным народническим тайным обществом «Земля и воля», познакомился с видными деятелями этой организации — А. Квятковским, А. Пресняковым, С. Перовской, В. Осинским и другими.

Особенно большим событием в своей жизни этого периода Моисеенко считает встречу с Г. В. Плехановым, одним из основателей и главных деятелей «Земли и воли», и будущим организатором «Северного союза русских рабочих» Степаном Халтуриным. «Первый научил понимать, второй действовать. Эти заслуги никогда не забываются; эти лица навсегда останутся в памяти» [4].

С Плехановым Моисеенко начал разбирать сочинения видного революционного демократа Н. В. Шелгунова [5] и прежде всего его книгу «Податной вопрос».

«Плеханов разъяснил мне, — вспоминал П. А. Моисеенко — непонятные места и так увлекательно, что за весь вечер мы прочли всего лишь 1—2 страницы. Но для меня это было открытие: я начал читать и мыслить совсем не так, как прежде» [6]. «...Я многое уяснил себе и стал разбираться в литературе» [7].

Народники оказали на Моисеенко большое влияние. Ему и

---

[1] Воспоминания П. А. Моисеенко, изд. «Красная новь», 1924, стр. 8.

[2] В 70-х годах Моисеенко носил фамилию Анисимов (по имени отца).

[3] Автобиография Моисеенко в книге Н. Батурина «Очерки по истории рабочего движения 70-х и 80-х годов», 1925.

[4] Там же.

[5] Н. В. Шелгунов (1824—1891) — крупнейший публицист и общественный деятель. Автор прокламаций «К молодому поколению», отпечатанной Герценом, и «К солдатам», отпечатанной Шелгуновым вручную и широко распространенной по всей России. В 1861 году поместил в «Современнике» переложение книги Ф. Энгельса «Рабочий пролетариат в Англии и Франции», впервые поставив в России «рабочий вопрос». Неоднократно за свою публицистическую деятельность арестовывался, дважды сидел в Петропавловской крепости, был в ссылках.

[6] «Летопись революции», № 5, 1923.

[7] Воспоминания П. А. Моисеенко, стр. 11.

позже приходилось сталкиваться с революционными народниками 70-х годов, участвовать в работе их организаций, в проводимых ими революционных мероприятиях.

Однако как революционер П. А. Моисеенко складывался в огне революционной борьбы рабочего класса против капиталистов и самодержавия. Он жил в самом центре рабочего движения — в Петербурге. Ведущее место в стачечном движении занимали тогда текстильщики — тот самый отряд рабочего класса, к которому принадлежал П. А. Моисеенко. Участвуя в стачках и других выступлениях рабочих, П. А. Моисеенко приобретал опыт революционной борьбы, организаторские навыки, воспитывал в себе качества, необходимые революционеру, — мужество, смелость, бесстрашие в борьбе.

Первое боевое крещение он получил в конце 1874 года, когда на фабрике Шау произошла стачка. Молодой рабочий активно участвовал в ней. Ткачи потребовали увеличения поштучной оплаты и улучшения условий труда. Организатором и руководителем стачки был рабочий Александров, уже имевший опыт революционной борьбы, участвовавший в крупнейшей стачке на Кренгольмской мануфактуре в 1872 году.

В 1876 году П. А. Моисеенко принял участие в подготовке и проведении демонстрации 6 декабря у Казанского собора. Мысль об организации чисто рабочей демонстрации и инициатива в ее подготовке принадлежала кружкам передовых рабочих, игравшим в это время в Петербурге заметную роль.

6 декабря на демонстрацию у Казанского собора собралось несколько сот человек, среди них насчитывалось около 250 рабочих. Это была первая демонстрация в России, в которой участвовали рабочие. Их было меньшинство, но именно их присутствие придало демонстрации боевой характер.

Оратором выступил Г. В. Плеханов. Он заявил о солидарности собравшихся с лучшими сынами народа, которые принесли себя в жертву делу народного освобождения, и о готовности с неослабевающей энергией продолжать начатую борьбу. С любовью и благодарностью оратор назвал в своей речи имя великого борца за народное дело Н. Г. Чернышевского. Затем молодой рабочий с фабрики Торнтона Яков Потапов развернул красное знамя с надписью «Земля и воля».

Демонстранты были смяты, избиты и разогнаны полицейскими и дворниками. Более 30 человек было арестовано. Многие из участников демонстрации поплатились тюрьмой, ссылкой и каторгой. Яков Потапов был заточен в монастырь. Так царское правительство расправлялось с теми, кто боролся с самодержавным строем.

В середине 1877 года П. А. Моисеенко поступил на крупнейшую текстильную фабрику Петербурга — Новую бумагопрядильню, где с первых же дней начал вести революционную работу. Молодой революционер проявил незаурядные способности организатора и агитатора, умело использовал самые различные средства в целях революционного воспитания своих слушателей. Он брал какую-нибудь легальную книгу и с увлечением начинал читать ее рабочим, делая при этом комментарии, которые возбуждали у рабочих ненависть к эксплуататорам и самодержавию. По инициативе Моисеенко, среди фабричных рабочих был создан хор и танцевальный коллектив. Хор в программу своих концертов для рабочих включал свободолюбивые песни. Ставились иногда инсценировки социалистически-утопических произведений («Сказка о четырех братьях» и др.). Во время концертов Моисеенко и его друзья ловко передавали революционную литературу увлекшимся слушателям.

Большим событием в истории революционного движения 70-х годов явился «процесс 50-ти». Нелегально отпечатанную речь Петра Алексеева Моисеенко распространял среди рабочих Новой бумагопрядильни. Выстрел В. И. Засулич в петербургского градоначальника Трепова, смерть поэта-демократа Н. А. Некрасова, стихи которого Моисеенко любил, и судебный процесс по делу о 193-х — все это также использовалось им для революционной агитации среди рабочих.

Новая бумагопрядильная фабрика, где работал П. А. Моисеенко, принадлежала акционерному обществу иностранных капиталистов. Директорами «Общества Новой бумагопрядильной фабрики» состояли англичане Веншау, Гизико и Жютинг, а управляющим был англичанин Фиш, отличавшийся жестокостью по отношению к рабочим.

Положение рабочих на фабрике, и без того тяжелое, еще более ухудшилось с 1 января 1878 года, когда заработная плата была значительно снижена. С рабочих стали вычитать по копейке в день за кипяток, за поломку щеток, иголок, вилок и других инструментов, причем не по действительной их стоимости, а по повышенным ценам.

Все это вызывало недовольство. В феврале 1878 года на Новой бумагопрядильной фабрике вспыхнула стачка. П. А. Моисеенко был один из ее организаторов и руководителей.

Стачка началась 27 февраля, когда более 1000 рабочих отказались выйти на работу. Некоторые из них были уверены, что о «злоупотреблениях» хозяев фабрики правительство ничего не знает, что стоит только доложить об их тяжелом положении начальству, как оно немедленно вступится за рабочих.

Стачечники обратились сначала к самому ближайшему представителю власти — полицейскому приставу. Но это обращение ничего положительного не дало.

1 марта на фабрику пожаловал петербургский градоначальник генерал-майор Козлов. Он уговаривал рабочих бросить забастовку и вернуться к станкам. Администрации же посоветовал сделать незначительные уступки: было вывешено объявление о том, что прядильщикам будет повышена зарплата и несколько

сокращен рабочий день. Ничтожная уступка в пользу сравнительно небольшой части рабочих поколебала стачечников.

Убедившись, что и градоначальник стоит на стороне фабриканта, рабочие решили направить прошение на имя наследника, будущего императора Александра III.

Текст прошения, по просьбе рабочих, был написан Михаилом Родионовичем Поповым, видным землевольцем. Его обсудили и одобрили в рабочем кружке, а затем 16 марта представили на рассмотрение общего собрания рабочих, состоявшегося на обширном дворе фабрики.

Петр Моисеенко громко прочитал прошение. Оно вызвало всеобщий восторг.

«Вашему императорскому высочеству, — говорилось в нем, — небезызвестно, какие плохие были отведены нам наделы и как сильно страдаем мы от малоземелья!»

«Верно, верно, — гремела толпа, — только звания, что земля, а пользы от нее никакой!»

«Вашему императорскому высочеству небезызвестно также, что за эти плохие наделы мы платим тяжелые подати», — продолжал чтец.

«И это так, и это верно, — одобряли слушатели, — вздохнуть не дают с податями!»

«Вашему императорскому высочеству небезызвестно, наконец, с какою жестокостью взыскиваются с нас эти тяжелые подати, — раздавалось с трибуны, — нужда гонит нас на заработки в город, а здесь нас на каждом шагу притесняют фабриканты и полиция».

Далее следовал разбор вызвавших стачку «новых правил», а в заключение говорилось, что, не видя ниоткуда защиты, рабочие ждут ее от наследника престола, но если и он не обратит внимания на их просьбу, то ясно будет, что им остается надеяться *только на самих себя*. Заключение было найдено также очень рассудительным. «Если и от наследника ничего не добьемся, то уж надо будет, как никак, поправляться самим», — решили слушатели» [1].

Во время стачки Моисеенко проявил себя неутомимым организатором и агитатором. При его участии были выработаны требования стачечников, составлена прокламация от имени стачечников «К рабочим всех фабрик и заводов», призывавшая рабочих объединяться в их борьбе с капиталистами. «Покуда рабочие не поймут, что они должны помогать друг другу, покуда они будут действовать врозь, до тех пор будут они в кабале у хозяина,—говорилось в этой прокламации. — А когда они будут стоять друг за друга, когда во время стачки на одной фабрике рабочие других фабрик станут помогать им, тогда не страшен им будет ни хозяин, ни полиция.

[1] Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении. (По личным воспоминаниям) М., 1940.

Вместе вы — сила, а в одиночку вас обидит каждый городовой» [1].

Прокламация была отпечатана в Вольной русской типографии и распространена на ряде фабрик и заводов Петербурга. Моисеенко лично расклеивал прокламации с требованиями рабочих, рассылал обращение «К рабочим всех фабрик и заводов», проводил сбор денежных средств в пользу стачечников.

В газете «Новости» появилась статья Г. В. Плеханова о стачке на Новой бумагопрядильне. Моисеенко использовал и это обстоятельство. Купив несколько десятков номеров газеты со статьей Г. В. Плеханова, Моисеенко распространил их среди рабочих, читал и разъяснял им содержание статьи, вселял в ряды стачечников стойкость, бодрость духа, призывая продолжать борьбу. Статья Г. В. Плеханова во многом содействовала успеху стачки.

На помощь фабриканту пришло самодержавие. Начались полицейские преследования. По улицам разъезжали казачьи и жандармские отряды.

2 марта среди стачечников были задержаны студенты Н. С. Тютчев и Г. В. Плеханов (под именем А. С. Максимова-Дружбина); Плеханову удалось бежать. В связи со стачкой были арестованы рабочие Семен Васильев, Федор Марков, Алексей Федоров; их выслали на родину.

20 марта сопротивление стачечников было сломлено.

Эта стачка имела большое значение в развитии рабочего движения в Петербурге. Рабочие на своем собственном опыте убедились, что царское правительство поддерживает капиталистов. «Нечего было ходить к наследнику, только сапоги зря трепали», — поговаривали те самые люди, которые в начале стачки стояли за подачу прошения наследнику.

За стачкой внимательно следили все петербургские рабочие, и, конечно, они тоже приходили к тем же выводам, что и рабочие Новой бумагопрядильни.

Стачка была в то же время замечательной школой и для П. А. Моисеенко.

Полиции стало известно о революционной деятельности Моисеенко. Пришлось скрываться, переодевшись в форму посыльного. Но однажды, в апреле 1878 года, он зашел в сапожную мастерскую Парфенова (нелегальную квартиру землевольца Гоббста), где и был арестован вместе с другими участниками совещания.

Петр Моисеенко был выслан под надзор полиции в Сычевский уезд с воспрещением выдачи ему паспорта в течение трех лет. Но на родине он задержался не надолго. Узнав от приехавшей из столицы жены о революционных событиях в Петербурге, он решил возвратиться туда.

Появившись в Петербурге в том же 1878 году, Моисеенко

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. II, стр. 238—239

вновь стал активно работать в кружках за Нарвской заставой и на Обводном канале, организовал конспиративную квартиру, снова начал распространять на Новой бумагопрядильне нелегальные брошюры, летучие листки и другие революционные издания.

Петр Анисимович принял участие в создании «Северного союза русских рабочих». С одним из его организаторов, слесарем Виктором Обнорским, он познакомился еще задолго до основания союза. К началу 1878 года Моисеенко был знаком также и с другим организатором «Северного союза русских рабочих» — столяром Степаном Халтуриным.

Петр Анисимович участвовал в собраниях, обсуждавших вопрос о создании самостоятельной рабочей организации, положившей начало «Северному союзу русских рабочих». Некоторые из этих собраний проходили на его квартире.

Он принимал участие в собраниях «Северного союза русских рабочих», состоявшихся 23 и 30 декабря 1878 года и принявших программу союза, написанную в форме обращения «К русским рабочим». По просьбе рабочих это обращение было отпечатано в Петербургской вольной типографии 12 января 1879 года.

С первых дней существования союза в него входило не менее 200 человек. Как вспоминает Г. В. Плеханов, в каждом значительном квартале Петербурга были особые кружки, составлявшие местную ветвь союза. Каждая ветвь имела свою кассу и свою конспиративную квартиру. Для заведывания ее делами выбирался небольшой комитет, члены которого являлись членами центрального кружка, собиравшегося два раза в неделю по общим делам союза.

В распоряжении центрального кружка находилась касса; во время стачки на Новой бумагопрядильне в 1879 году в ней было 150—200 рублей. Касса постоянно пополнялась взносами. У союза была и своя библиотека, рассредоточенная по районам, но в каждом кружке был полный список книг всей библиотеки, чтобы иметь возможность получить любую книгу. Книги приобретались за счет покупок и пожертвований.

Участие П. А. Моисеенко в деятельности «Северного союза русских рабочих» было важным этапом в формировании его мировоззрения. Передовые рабочие еще в 70-х годах начали понимать, что для успешной борьбы с капиталистами нужна организация. В программе союза было сказано, что по своим задачам он примыкает к социал-демократическим рабочим партиям Запада. Конечной целью союза ставилось проведение социалистической революции — «ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого». Своей ближайшей задачей союз считал завоевание политической свободы и политических прав для народа (свобода слова, печати, право собраний и т. д.), а также ограничение рабочего дня.

Г. В. Плеханов отмечал, что в 70-х годах XIX столетия «требование политической свободы явилось в рабочей программе раньше, чем в программах революционной интеллигенции. Это требование сближало «Северно-русский рабочий союз» с западноевропейскими рабочими партиями, придавало ему социал-демократическую окраску»[1]. «К началу 1879 года *рабочее движение* переросло *народническое учение* на целую голову. Ввиду этого неудивительно, что наиболее развитая часть петербургских рабочих, вошедшая в основанный около того времени «Северно-русский рабочий союз», в своих политических взглядах и стремлениях значительно разошлась с бунтарями-народниками»[2].

Недовольство народниками, захватившее рабочих-революционеров еще в середине 70-х годов, углубилось. Рабочее движение стало довольно определенно отделять себя от народнического аполитизма, протестовало делом против игнорирования народниками самостоятельной классовой роли пролетариата и поворачивалось лицом к общему движению, к общей борьбе пролетариата всех стран.

«Однако «Северный союз русских рабочих» не был марксистской организацией.

Отголоски идейной зависимости союза от народничества сказались, например, в формулировке конечных целей движения. Как записано в программе союза, его идеалами являлись: «учреждение свободной народной федерации общин... с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права», «уничтожение земельной собственности и замена ее общинным землевладением», «правильная ассоциационная организация труда, предоставляющая в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства».

Но важно подчеркнуть, что, вопреки догматам народничества, программа союза решительно признала важность политической свободы для рабочих, требовала свободы слова, печати, собраний, передвижения, уничтожения сословных прав и преимуществ, обязательного бесплатного обучения и проч. и подчеркивала исключительное значение рабочих («рабочего сословия», как выражалась она в духе времени) во всей общественной жизни.

«Знайте, что в вас заключается вся сила и все значение страны, вы — плоть и кровь государства и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь, — обращались создатели союза к русским рабочим. — Вы смутно сознаете это, но у вас нет организации, нет идеи, которой вы бы руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врагу. Но мы, рабочие — организаторы Северного союза, даем вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем вам ту организацию, в какой нуждаетесь вы».

[1] Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении, 1940, стр. 74—75.
[2] Там же, стр. 70.

Программа заканчивалась словами: «Итак, за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого союза и успех социальной революции в России»[1].

В. И. Ленин, подчеркивая серьезное отличие первых рабочих организаций от народнических организаций, писал: «Когда в 1875 г. образовался «Южно-русский рабочий союз» и в 1878 г. «Северно-русский рабочий союз», то эти рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов; эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма»[2].

«Северный союз русских рабочих» начал принимать участие в рабочих стачках, руководил ими. Одной из них была вторая крупная стачка на Новой бумагопрядильной фабрике в январе 1879 года, которая отличалась от предыдущей стачки на той же фабрике большей организованностью и сознательностью участвовавших в ней рабочих. Стачка проходила под руководством «Северного союза русских рабочих». На опыте стачки 1878 года, под воздействием только что появившейся среди рабочих программы «Северного союза», стачечники поняли, что их сила в организованности, в совместной сплоченной борьбе против самодержавия и капиталистов. Даже в жандармские документы проникли сведения, говорящие о возникшем у рабочих чувстве пролетарской солидарности. «...у рабочих вырывались слова, из которых можно понять, что ожидаются стачки и беспорядки и на других фабриках на Выборгской стороне и что надо их поддержать, в особенности на фабрике, которая не работает уже второй день», — доносил начальник пригородной петербургской полиции губернатору[3].

Организатором и руководителем стачки был Петр Анисимович Моисеенко. Проживший значительное время в Петербурге на нелегальном положении, он, чтобы ближе стоять к рабочим фабрики, поступил снова на Новую бумагопрядильню. Стачке предшествовала тщательная подготовка.

Но полиции все же стало известно о подготовке к стачке за несколько дней до ее начала. Причем в объяснительной записке по 3 экспедиции III отделения особо подчеркивалось, что в подготовке стачки среди петербургских рабочих «принимает весьма деятельное участие высланный из столицы по делу беспорядков на Новой бумагопрядильной фабрике в 1878 году и тайно возвратившийся в С.-Петербург рабочий Петр Анисимов». На нелегальной квартире Моисеенко проходили совещания пропагандистов и рабочих. Одно такое собрание состоялось 7 января (на нем присутствовало около 30 рабочих с различных фабрик), другое — 14 января[1].

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. II., ч. II, стр. 242.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 237:
[3] Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. II, стр. 304.

Стачка на Новой бумагопрядильне началась 15 января. Непосредственным поводом к стачке послужило увольнение с фабрики 44 рабочих за невыполнение норм выработки (нормы не выполнялись из-за недостатка материала и простоя станков). В знак протеста против издевательского решения администрации около 700 рабочих не вышли на работу.

В одной из артелей ткачей состоялось собрание, на котором были выработаны требования, предъявленные затем администрации фабрики.

Требования рабочих не ограничивались отменой приказа об увольнении 44 товарищей. Стачечники требовали сокращения рабочего дня до 12,5—13 часов, надбавки расценок по 5 копеек за каждый выработанный кусок ткани, увольнения с фабрики ненавистных мастеров и подмастерьев. Они требовали, чтобы работа принималась с участием выборных от рабочих, отмены штрафов за поломку инструментов, полной заработной платы за дни, когда фабрика не работала по вине фабриканта, а также за дни стачки, «потому что хозяин сам виноват, что довел нас до стачки».

Для обсуждения дальнейшего хода забастовки передовые рабочие собрались на квартире П. А. Моисеенко. Было решено напечатать воззвание ко всем рабочим Петербурга. Действительно, забастовавшие ткачи Новой бумагопрядильни уже на следующий день, 16 января, обратились с прокламацией к рабочим всех фабрик и заводов Петербурга с просьбой о поддержке. «Оттого над нами и брали верх, что не дружно мы стояли», — так объяснили рабочие неудачи предыдущих стачек.

«Не только с разных мастерских, а с разных фабрик должны помогать друг другу...

Если все мы будем дружно держаться, хозяева должны будут уважить наши требования; ведь они от наших трудов только и живут, нашей кровью богатеют, каждый день, что мы не работаем, — им несколько тысяч убытку.

Когда до нас коснется, мы поддержим вас, и ваши требования будут уважены!

Так и будет всегда!

Все за одного, один за всех!»[2].

Моисеенко проявил большую настойчивость и энергичность, чтобы поднять на поддержку стачечников Новой бумагопрядильни рабочих других промышленных предприятий Петербурга. Как только началась стачка на Новой бумагопрядильне, он поспешил на фабрику Шау.

Рабочие Шау выступили 16 января. На следующий день, по примеру стачечников с Новой бумагопрядильни, они в свою оче-

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. II, стр. 304.
[2] Там же, стр. 307.

редь обратились ко всем петербургским рабочим с прокламацией. Много раз рабочие выступали против своих хозяев поодиночке, писали они, но толку от этого было мало.

«Теперь надо попробовать действовать дружно, вместе.

Верьте, братья, так будет лучше.

Ведь нас здесь одних фабричных — сила, пусть-ка они попробуют одолеть нас всех».

Обращение заканчивалось грозным предупреждением по адресу хозяев:

«Долго терпели мы всякие неправды, долго ждали, не заступится ли за нас кто повыше. Теперь пускай от нас потерпят: плохо придется им всем, когда мы возьмемся за ум, когда все будем стоять друг за друга и отвечать:

Все за одного — один за всех!» [1].

Рабочие Новой бумагопрядильни на своих общих собраниях обсуждали, как поднять на борьбу рабочих Екатерингофской фабрики; поговаривали даже о посылке делегации рабочих на Кренгольмскую фабрику под Нарву. Рабочие Новой бумагопрядильни и фабрики Шау обратились с письмом к московским социалистам, в котором просили московскую учащуюся молодежь поддержать их материально.

Когда из-за Нарвской заставы поступили сведения, что там некоторые семейные стачечники нуждаются в материальной помощи, П. А. Моисеенко организовал сбор средств. Но эта помощь была недостаточной. Тогда он пошел к студентам просить у них денег. В ходе стачки была создана денежная касса с целью оказания помощи наиболее нуждающимся участникам. Сборщиком средств был рабочий Лука Иванов (Абраменков), происходивший из крестьян Смоленской губернии. У рабочего Я. О. Коняева полиция отобрала 44 рубля 50 копеек, принадлежавших рабочей кассе [2].

Стачка на Новой бумагопрядильне была подавлена при помощи вооруженной силы. Все подступы к фабрике были заняты полицейскими и жандармами. Появились солдаты лейб-гвардейского Измайловского полка. Даже на сравнительно небольшую фабрику Шау, расположенную за городом, был вызван батальон лейб-гвардии егерского полка.

Начались массовые аресты. Полиции стало известно о руководящей роли П. А. Моисеенко в стачке. В ночь с 16 на 17 января был назначен обыск в доме № 16 по Сампсониевскому проспекту, где, по полицейским сведениям, он должен был проживать. Но на этом месте дома никакого не оказалось.

18 января полиции все же удалось выследить и арестовать П. А. Моисеенко, который назвал себя Осипом Ивановым, уроженцем Владимирской губернии. На допросах он держался твер-

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. II, стр. 309—310.
[2] Там же, стр. 313—314.

до, упорно отрицая знакомство с арестованными товарищами и не называя своего настоящего имени.

Первые месяцы П. А. Моисеенко сидел в Коломенской части Петербурга. Режим здесь, по словам Моисеенко, был «убийственный». Не разрешались свидания с родственниками, прогулки и чтение. Но и в тюрьме он продолжал борьбу. Перестукиваясь через стену, переговариваясь через форточку и установив таким путем связи с другими заключенными, он стремился объединенными силами добиться разрешения прогулок, регулярного посещения бани и т. д. В тюрьме он сочинил и нацарапал на стене два стихотворения. Одно из них описывало стачку ткачей, в другом обрисовывалось тяжелое положение рабочих.

Хорошо ты управляешь:
Честных в каторгу ссылаешь,
Суд военный утвердил,
Полны тюрьмы понабил,
Запретил всему народу
Говорить ты про свободу.
Кто осмелится сказать —
Велит вешать и стрелять.

В ответ на отказ смотрителя тюрьмы поместить в больницу больного товарища, по инициативе П. А. Моисеенко, была проведена пятидневная голодовка. Убеждая товарищей прибегнуть к голодовке, он приводил в пример П. А. Алексеева и его друзей, проведших в августе 1878 года голодовку в Новобелгородской каторжной тюрьме. После этого случая П. А. Моисеенко перевели в дом предварительного заключения, где он в одиночке просидел 17 месяцев — до июня 1880 года.

В одиночке Моисеенко усиленно пополнял свои знания, расширял свой кругозор. По словам П. А. Моисеенко, с этого времени и началось его умственное развитие.

Среди прочитанных книг он называет многотомную историю России С. М. Соловьева, работы историка Костомарова, «Войну и мир» Л. Н. Толстого и другие.

Прочитав имевшиеся в тюремной библиотеке книги, Моисеенко набросился на журналы — «Отечественные записки», «Вестник Европы» и др. Наибольшее впечатление на него произвела драма о Степане Разине, напечатанная в одной из книг «Вестника Европы». В Степане Разине поражала его исключительная сила воли, преданность народу.

Летом 1880 года П. А. Моисеенко около месяца пробыл в пересыльной политической тюрьме в Вышнем Волочке, где познакомился с выдающимся русским писателем В. Г. Короленко.

«...Не могу никак забыть этой светлой личности; на всех нас он производил обаятельное впечатление, все мы его любили», — писал он [1].

[1] Воспоминания П. А. Моисеенко, стр. 43.

В июне 1880 года П. А. Моисеенко был сослан в Восточную Сибирь, где пробыл в Канском округе Енисейской губернии до августа 1883 года.

В ссылке П. А. Моисеенко пережил тяжелые годы. Царское правительство выдавало пособие только нетрудоспособным политическим ссыльным, и Моисеенко, чтобы прокормить семью, вынужден был добывать кусок хлеба тяжелым трудом у местных кулаков. Работу у одного из них Моисеенко описывает следующим образом:

«...Жалование положил он мне 5 руб., да харчи. Рабочее время: в полночь встанешь — до свету обмолотишь овин хлеба и идешь завтракать; после завтрака запрягаешь пять — шесть лошадей, едешь в поле за хлебом, верст 15—20 от села. Пока накладешь 6 возов снопов, свяжешь, — домой придешь уже к вечеру, — хозяин уже хлеб провеял. Насыплешь в мешки и везешь в амбар, потом лошадей отпрягаешь, дашь корму — уже ночь; поужинаешь, — смотришь, то сбрую поправить, то еще какую-нибудь работу найдешь, и только тогда ложишься спать; и так изо-дня в день до самой весны. Первое время было очень трудно, а потом втянулся и работал, как вол» [1].

По окончании срока ссылки Моисеенко приехал в Орехово-Зуево. Однако перед тем как поступить на фабрику, надо было съездить на родину, чтобы получить паспорт. До сих пор Петр Анисимович жил под фамилией Анисимова (по имени отца). Во вновь выданном паспорте значилась новая фамилия — по уличной кличке его родителей — Моисеенко. Так удалось провести полицию.

П. А. Моисеенко поступил на Никольскую мануфактуру Т. С. Морозова. Здесь он вскоре завоевал авторитет среди рабочих и выступил вместе с В. С. Волковым и Л. Ивановым (Абраменковым) организатором и руководителем знаменитой Морозовской стачки.

Никольская мануфактура была крупнейшим капиталистическим предприятием. На ней было занято восемь тысяч рабочих. Положение рабочих было здесь исключительно тяжелым; рабочий день продолжался не менее 12 часов, причем он делился на две части — по 6 часов, что особенно тяжело отражалось на здоровье рабочих. Зарплата была низкой. Расценки на все работы фабрикант устанавливал по своему усмотрению. В большом ходу были штрафы.

«С 1882 года Морозов стал сбавлять плату, и до 1884 года было пять сбавок. В то же время становились все строже и строже штрафы: по всей фабрике они составляли почти четверть заработка (24 копейки штрафов на заработанный рубль), а иногда доходили у отдельных рабочих до половины заработка, — писал В. И. Ленин в статье «Объяснение законов о штрафах, взимаемых

[1] Воспоминания П. А. Моисеенко, стр. 52.

с рабочих на фабриках и заводах». — Чтобы скрыть такие безобразные штрафы, контора в последний год перед погромом поступала так: тех рабочих, у которых штрафы достигали половины заработка, она заставляла брать расчет, а потом хоть в тот же день рабочие эти могли опять поступать на работы и получать новую книжку. Посредством этого книжки, где были записаны очень уж большие штрафы, уничтожались» [1].

Даже владимирский губернатор Судиенко, принявший самое деятельное участие в подавлении стачки на Никольской мануфактуре в 1885 году, вынужден был признать исключительно тяжелое положение рабочих у Морозова. В своем донесении министру внутренних дел он писал: «Из значительного числа приносимых мне уполномоченными от рабочих и мною рассмотренных расчетных книжек оказалось, что содержание вычетов составляет от 35—40 процентов с заработанного рубля» [2].

В свою очередь, министр граф Толстой, основываясь на донесениях владимирского губернатора, доложил царю 13 января 1885 года о причинах стачки в Орехово-Зуеве: «Издавна правлением товарищества практикуются крайне высокие денежные взыскания и штрафы, с целью этим способом понизить задельную плату, вычеты эти доходят до 30 процентов с заработанного рубля. Последовательное понижение задельной платы дошло до того, что многие рабочие остались даже должниками конторы» [3].

Рабочие не имели никаких гражданских прав. Над ними безраздельно господствовали фабрикант, заведующие, мастера, табельщики и пр.

В. И. Ленин, побывавший в Орехово-Зуеве в 1895 году, дал ему следующую характеристику:

«Чрезвычайно оригинальны эти места, часто встречаемые в центральном промышленном районе: чисто фабричный городок, с десятками тысяч жителей, только и живущий фабрикой. Фабричная администрация — единственное начальство. «Управляет» городом фабричная контора. Раскол народа на рабочих и буржуа — самый резкий» [4].

Тяжелое положение вызвало резкое недовольство рабочих. Однако большинство из них было сезонниками, отходниками, еще не порвавшими связей с сельским хозяйством. Недовольство не выливалось в открытую борьбу. Прибытие на фабрику П. А. Моисеенко — участника нескольких стачек, опытного революционера, уже побывавшего в тюрьмах и ссылке, — изменило дело. Моисеенко стал посещать казармы рабочих, проводил там беседы, читал книги, журналы, газеты, декламировал стихи Н. А. Некрасова, прочитал книгу о Степане Разине. При чтении он делал

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 22.

[2] Морозовская стачка 1885 г. Сборник Центрархива, 1935, стр. 193. В дальнейшем — Морозовская стачка.

[3] «Красный архив» № 6 (91), 1938, стр. 161.

[4] В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 1.

такие комментарии, которые помогали рабочим понять свое положение, будили мысль, призывали к борьбе.

Местом агитации становилась даже уборная. «Соберутся в уборной курить, — вспоминал Моисеенко в 1923 году, в речи на 38-летнем юбилее Морозовской стачки, — набьется народу — вонь, дым, темь, — не продохнешь. Возьмешь газету, какую попало, хоть черносотенную, хоть прошлогоднюю, держишь перед собой иной раз кверху ногами, — все одно не видать! — и будто читаешь по ней, а на самом деле свое из головы тачаешь: «Доколь же, мол, вы будете терпеть эту каторгу? Ведь, мол, хозяин опился нашей крови — лопнет скоро; не бараны же мы, которых только свежуют...»

Ну, все стоят, затая дух, слушают и только удивляются: «...И как это ты, Анисимыч, в темноте такой разбираешь буквы? Котиные у тебя глаза!»

С осени 1884 года начинается особенно напряженная работа непосредственно по подготовке стачки. Среди помощников Моисеенко особенно выделялись рабочие В. С. Волков, Ф. А. Шелухин и некоторые другие.

За несколько дней до начала стачки фабричная администрация объявила, что 7 января 1885 года фабрика будет работать, хотя этот день считался религиозным праздником и на соседних фабриках был нерабочим. Такое распоряжение фабричной администрации обострило недовольство ткачей.

Этот момент и было решено использовать в качестве повода к стачке.

5 января состоялось совещание с участием представителей от цехов, обсудившее вопросы, связанные с проведением назревшей стачки. По конспиративным соображениям, оно было проведено за рюмками с вином в винном магазине в селе Зуево.

В ночь с 5 на 6 января П. А. Моисеенко при участии Луки Ивановича Абраменкова и Василия Сергеевича Волкова составил проект требований рабочих к фабриканту. В воскресенье, 6 января, он был зачитан и одобрен на совещании рабочих.

На совещании 6 января был выработан план стачки. Но он стал известен администрации. Утром у фабрики администрацией была расставлена сотня специально нанятых людей, которые не давали собиравшимся поодиночке рабочим задерживаться у ворот, заставляя идти к станкам.

П. А. Моисеенко и его товарищам пришлось напрячь все организаторские способности, чтобы не дать сорвать стачку. Вместе с Волковым Петр Анисимович прошел по второму и третьему этажам фабрики, вызвав на совещание в уборную наиболее активных ткачей. Настроение у рабочих было боевое. Они отходили от станков, собирались в коридорах и совещались, как следует поступить дальше. Женщины подбадривали мужчин, то там, то здесь раздавались их голоса, что «мужчины хуже баб»: до сих пор не придумают, что делать. Подростки выключили газ, станки были остановлены. Многотысячная армия ткачей вышла на улицу. К ткачам присоединились прядильщики.

Одна часть рабочих, во главе которой шел Петр Моисеенко, направилась по Никольской улице на Старый двор с целью остановить работы на старой ткацкой фабрике и в плисорезной. В. С. Волков возглавил другую группу рабочих, которая пошла по Английской улице в слесарную мастерскую и в красильную фабрику, чтобы остановить работы и там. Пример ткачей и прядильщиков подействовал на красильщиков и слесарей. Вся фабрика Т. С. Морозова прекратила работу, объявив забастовку.

Когда работы были приостановлены повсюду, вожаки стачки направились в Зуево, в трактир Терентьева на совещание, чтобы выработать план дальнейших действий. В это время им стало известно, что выведенные из терпения рабочие грабят продовольственный магазин, разбивают контору, громят квартиры управляющего ткацкими фабриками Шорина и директора прядильного отделения Лотырева. П. А. Моисеенко и В. С. Волков бросились в самую гущу разъяренной толпы, стараясь приостановить бессмысленные действия.

Рабочие вняли призывам руководителей стачки. Обвинительный акт по делу 33-х признает, что «толпа возмутившихся рабочих прекратила насильственные действия и хотя движение по улицам продолжалось до вечера, открытых нападений на имущество уже не происходило» [1].

Рабочие Никольской фабрики были уверены, что царь и правительство помогут им, надо только сообщить в Петербург о их тяжелом положении. По словам П. А. Моисеенко, он пытался разъяснить неправильность подобных представлений, ссылаясь при этом на опыт стачек в Петербурге, в которых он участвовал. Но, видимо, он и сам не был свободен от царистских иллюзий. Во всяком случае, именно он от имени рабочих послал телеграмму министру внутренних дел, в которой сообщал о стачке, вызванной невероятно тяжелыми условиями жизни рабочих, и требовал прислать представителя государственной власти для расследования злоупотреблений фабриканта.

Во время стачки П. А. Моисеенко проявил большую энергию. Ему помогал В. С. Волков, который днем обыкновенно был на улице и убеждал рабочих продолжать стачку, а вечером вместе с Моисеенко обходил казармы и убеждал рабочих не поддаваться на увещания начальства, твердо стоять на своем, не ходить на работу, пока фабричная администрация не согласится удовлетворить их требования [2].

Для подавления стачки в Орехово-Зуево явились губернатор, прокуроры из Владимира и Москвы. В расправе над рабочими приняла участие не только полиция, но и войска. Два батальона

[1] Морозовская стачка, стр. 78.

[2] Там же, стр. 82—83.

пехоты были вызваны из Владимира, один батальон пехоты и Донской казачий полк — из Москвы.

Таким образом, рабочие Никольской мануфактуры на своем собственном опыте могли убедиться в том, что царские власти, войско, полиция находятся на стороне фабриканта.

Войска появились на фабрике Т. С. Морозова в первый же день стачки. Получив тревожные телеграммы из Орехово-Зуева, губернатор немедленно распорядился приготовить экстренный поезд с войсками. У здания главной конторы, у квартир представителей фабричной администрации, у фабричных корпусов и складов были поставлены посты от прибывших воинских частей.

Но предпринятые губернатором меры не прекратили стачку. На следующий день, 8 января, рабочие не явились на фабрику. Губернатор решил начать переговоры со стачечниками.

Он уговаривал рабочих прекратить стачку или взять расчет, если они не желают работать на прежних условиях. Рабочие ответили, что брать расчет они не хотят, а работать пойдут лишь после того, как администрация фабрики отменит штрафы, повысит расценки и т. д. Рабочие требовали также, чтобы Морозов в случае увольнения, рассчитывал их по день окончания срока найма (до пасхи). Губернатор обещал обо всем переговорить с фабрикантом.

Днем 8 января на фабрику прибыл Тимофей Морозов. После беседы с губернатором он согласился возвратить штрафы за три предыдущих месяца (с 1 октября 1884 года), дать расчет всем без исключения рабочим по день забастовки, а потом вновь принять желающих на прежних условиях. Были развешены письменные объявления об этих «уступках» хозяина.

Условия, предложенные Морозовым, были обсуждены в рабочих казармах. При чтении их поднялся шум, свист. Рабочие не соглашались на такие мизерные уступки. Во многих местах объявления были сорваны, на их место наклеивались другие, от рабочих: «Савве Морозову, что за эту сбавку ткачи и прядильщики... не соглашаются работать. А если ты нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разочти по пасху. А то если ты нас не разочтешь по пасху, то мы будем бунтовать до самой пасхи.

Ну, будь согласен на эту табель, а ежели не согласишься, то и фабрику вам не водить» [1].

Увидев, что без новых уступок со стороны Морозова забастовщики не приступят к работе, губернатор вновь вышел на улицу для переговоров с ними. Переходя от одной группы рабочих к другой, он предлагал им собраться для переговоров в конторе.

Рабочие решили не посылать к конторе выборных, боясь их ареста, а идти туда всей массой. 10 января утром они по сигналу собрались возле своих казарм. Моисеенко и Волков призывали рабочих к дружной и совместной борьбе, разъясняли, как нужно действовать, как разговаривать с губернатором.

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. I, стр. 127.

В полдень тысячи стачечников собрались к конторе и еще раз изложили губернатору причины стачки.

Утром 11 января вновь было вывешено объявление с условиями Морозова, уже однажды отклоненными рабочими. Рабочие собирались группами на улицах и площадях, срывали объявления. Сыпались проклятия и угрозы не только по адресу администрации, но и по адресу царского правительства. О губернаторе рабочие кричали, что он продался Морозову, что «Морозов ему новые штаны посулил».

Утром рабочие собрались на переезде железной дороги, отделяющей фабричные здания от казарм. Во избежание «беспорядков», сюда заранее были стянуты войска, которые сдерживали продвижение забастовщиков к фабричным помещениям.

Часов в десять утра к переезду прибыл губернатор, потребовавший разойтись и отправиться на работу или получить расчет. Рабочие встретили губернатора и его свиту, состоявшую из представителей губернских и уездных властей и старших офицеров охраны, громкими возгласами: «Никто на работу не пойдет! Нет таких среди нас! Не можем согласиться на условия Морозова!»

Во время переговоров со стачечниками из толпы были переданы начальству «условия, составленные самими рабочими».

Губернатор распорядился немедленно арестовать В. С. Волкова, подавшего тетрадь с требованиями рабочих, и Ф. А. Шелухина. Когда В. С. Волкова окружили солдаты, он крикнул рабочим: «Нечего нам с капиталистами разговаривать. Пропадать, так пропадать. Помните: один за всех, а все за одного!» Толпа бросилась за арестованными, крича: «Ссылайте хоть всех, мы готовы, есть начальство и выше» [1].

Прочитав донесение министра внутренних дел о событиях на Никольской мануфактуре 11 января, царь сделал пометку: «Все это весьма неутешительно».

Около 11 часов утра передняя часть толпы была по приказу губернатора отрезана от остальной массы рабочих и арестована. Арестовали 51 человека и отвели под стражей в рабочую казарму напротив новоткацкого корпуса.

После ареста В. С. Волкова и Ф. А. Шелухина из руководителей стачки остался один П. А. Моисеенко. Как только было получено известие об аресте, П. А. Моисеенко разослал агитаторов по всем казармам.

Около часу дня большая толпа рабочих собралась у своих казарм и двинулась через полотно железной дороги к воротам между больницей и училищем. Казаки, действуя пиками, не пропускали рабочих. Тогда они бросились к так называемым банным воротам и проникли во двор новоткацкого корпуса.

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. I, стр. 142.

С криками «ура» рабочие ворвались в казарму, обезоружили часовых, разломали двери и, освободив арестованных, бросились на улицу. При выходе из помещения рабочие столкнулись с солдатами, подоспевшими на помощь караулу. Солдаты попали в кольцо рабочих и начали действовать прикладами и даже штыками.

Вооруженные досками, палками, кольями, камнями, железными прутьями, рабочие смело вступили в рукопашную схватку, отнимали у солдат ружья, разбивали приклады о стены казарм, заборы, столбы. У одного из солдат ударом камня было разбито ложе ружья.

П. Моисеенко, проявивший исключительную инициативу при подготовке нападения на казарму, отважно дрался с солдатами. Один из солдат направил свое ружье ему в грудь. Моисеенко ухватился за ствол ружья и вырвал его из рук солдата. В схватке он был ранен в грудь штыком. Было освобождено 39 арестованных. Среди них, однако, не оказалось В. С. Волкова и Ф. А. Шелухина.

Около двух часов дня губернатор вновь вышел к рабочим, пытаясь уговорить их разойтись. «Зачем вы это делаете? Вы противитесь власти, которая поставлена над вами высшей властью. Вы нарушаете порядок и своими поступками делаете хуже для себя», — говорил он. Рабочие настойчиво требовали освободить арестованных, прежде всего Волкова. «Освободите Василия, нашего человека», — кричали они.

Достойную отповедь губернатору дал П. А. Моисеенко. Выйдя из толпы рабочих вперед, он заявил губернатору, что порядок нарушен не рабочими, а самим губернатором, по распоряжению которого произведены аресты ни в чем не виновных людей.

Губернатор отдал приказание тут же арестовать Моисеенко. Но сделать этого не удалось.

Вечер 11 января прошел неспокойно. Рабочие пытались освободить остальных арестованных. По распоряжению губернатора, рабочие были отброшены казаками с помощью нагаек, причем стачечники и на этот раз не хотели безропотно уступать силе, сопротивлялись.

Когда рабочим стало известно о распоряжении губернатора отправить В. С. Волкова и Ф. А. Шелухина на вокзал под усиленным конвоем полиции, казаков и роты солдат, они решили еще раз попытаться освободить своих товарищей. Часть рабочих направилась на железнодорожную станцию с целью отбить арестованных при посадке в поезд. Другая часть пошла вдоль железнодорожной линии, рассчитывая остановить поезд. Но и этот план не удался. Вокзал и железнодорожное полотно оказались оцепленными войсками, которые силой разгоняли рабочих.

После неудачной попытки освободить Волкова и других арестованных, П. А. Моисеенко решил встретиться с Л. И. Ивановым (Абраменковым), чтобы посоветоваться с ним относительно дальнейшего хода стачки.

По договоренности с Лукой Ивановым (Абраменковым), П. А. Моисеенко выехал в Москву. «В Москве он хотел обратиться к защитнику Плевако и просить его взяться вести это дело или же сходить в какую-нибудь редакцию и попросить напечатать все то, что он сообщит о фабричной жизни рабочих на фабрике Морозова и о притеснениях, каким они подвергаются»[1].

14 января работы на Никольской мануфактуре возобновились. Штрафы, наложенные на рабочих «за плохую работу» после 1 октября 1884 года, были сняты. Дни стачки фабрикант рабочим не оплачивал, но штраф за эти дни он не записал. Заработная плата осталась прежней. Фабрикант рассчитал всех рабочих и «желающих» работать на новых условиях принял на фабрику заново, выдав им новые расчетные книжки.

Однако многие рабочие, несмотря на репрессии, не выходили на работу, стойко держались и ожидали, что П. А. Моисеенко удастся встретиться в Москве с революционной интеллигенцией и рабочими, добыть через них средства для продолжения стачки. Как указывает обвинительное заключение по делу 17 участников стачки, 15 января один рабочий — И. Е. Капранов, войдя в казарму, крикнул «на весь коридор»: «Хорошенькую новость принес: Щербаков (Мосеенок)[2] приехал из Москвы с деньгами, у кого хлеба не будет — будут раздавать, слышно, что и Ваську (Волкова) освободили». 14 января вечером другой рабочий, А. В. Васильев, пришел в 7-ю казарму и «уговаривал столпившихся в коридоре рабочих не ходить на работу и говорил при этом, что скоро наступит девятый день и у них на фабрике будет новый хозяин».

С 12 января по приказу губернатора, исполнявшего распоряжение министра внутренних дел, начались массовые аресты рабочих, «наиболее замеченных в неповиновении и беспорядках», и высылка их на родину. Ежедневно арестовывались сотни рабочих, которых отправляли в Москву или во Владимир, а затем на родину. 14 января, в понедельник, по приказанию губернатора были оцеплены все рабочие казармы. Обходили рабочие каморки, угрозами, штыками, нагайками принуждали выйти на работу, выгоняя из помещения и даже стаскивая с постели. Аресты продолжались до 23 января. Всего было выслано, по официальной справке губернатора, 601 человек[3].

В ночь с 17 на 18 января жандармам удалось схватить и Моисеенко, который возвращался из Москвы в Никольское через Ликино. Здесь, на квартире Л. И. Абраменкова, он и был арестован.

Аресты, произведенные на фабрике, не привели к тем резуль-

---

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. 1, стр. 204.

[2] П. А. Моисеенко в период Морозовской стачки жил под нелегальной фамилией Щербакова.

[3] Морозовская стачка, стр. 59.

татам, которых ожидали власти. Губернатор писал, что рабочие относятся к арестам не только равнодушно, но идут «под арест весьма охотно. Арестуемые поют песни и весело вступают в отведенное для них помещение, встречаемые радостными возгласами находящихся там прежде задержанных своих товарищей» [1].

В. И. Ленин указывал, что Морозовская стачка «произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования» [2].

Царское правительство было перепугано дружным выступлением нескольких тысяч рабочих фабрики Т. С. Морозова. Царь Александр III внимательно следил за ходом стачки, одобрял драконовские меры, предпринимаемые министерством внутренних дел и владимирским губернатором для подавления стачки. По замечаниям царя на полях донесений, поступивших к нему от графа Д. Толстого, можно ясно представить себе тревогу, которая охватила царское правительство. На первом же донесении о стачке царь написал, что он интересуется всеми подробностями Морозовской стачки [3]. Ежедневно до окончания стачки министр внутренних дел подробно докладывал царю о ходе ее подавления. Царя радовали донесения, в которых сообщалось о прекращении «беспорядков», об установившемся спокойствии и т. п. На сообщении о том, что 8 января «беспорядки прекратились без мероприятий», царь написал: «Гораздо успокоительнее». Царя беспокоили малейшие упоминания об уступках фабриканта в пользу рабочих, тревожили сообщения об активных действиях рабочих и их справедливых требованиях.

10 января губернатор телеграфировал, что «правление, кроме уступок, о коих сообщал вчера, решительно ничего существенного в облегчении рабочих более сделать не желает». Царь подчеркнул слова «решительно ничего более не желает» и поставил вопрос: «какие облегчения еще?»

20 января министр внутренних дел докладывал, что на Никольской мануфактуре в субботу 19 января работали уже 4508 человек и на понедельник записалось еще 300. «Дай бог, чтобы так и продолжалось», — написал Александр III на докладе графа Толстого.

Морозовская стачка послужила сигналом для новой полосы стачек, отличавшихся от предыдущих большей организованностью. Под ее воздействием в конце 1885 года семь дней бастовали сразу пять фабрик в Иваново-Вознесенске. 1885 год дал 14 189 стачечников — самую большую цифру с начала стачечной борьбы в России [4].

---

[1] Морозовская стачка, стр. 60.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 23.
[3] Архив истории труда в России, кн. II, 1921, стр. 48.
[4] Там же, стр. 52—53.

Значение Морозовской стачки огромно. Она справедливо считается поворотным пунктом в развитии российского рабочего движения. Если период 1861—1884 годов был периодом формирования пролетариата в класс, пробуждения рабочего класса к борьбе и начала его борьбы против капиталистической эксплуатации царизма, создания первых рабочих организаций, то с 1885 года начинается новый период в истории рабочего класса. Классовая борьба пролетариата растет. На основе развития марксистской идеологии и возросшего массового рабочего движения были подготовлены условия для соединения социализма с рабочим движением.

На опыте Морозовской и других стачек рабочие поняли, что они многого могут добиться организованной борьбой.

Своим солидарным и организованным выступлением в январе 1885 года против эксплуатации и бесправия орехово-зуевские текстильщики заставили заволноваться всю царскую Россию и заговорить о появлении в России рабочего класса и «рабочего вопроса».

Напуганное ростом рабочего движения, правительство в 1885 году издало закон о воспрещении ночных работ для женщин и подростков, а в 1886 году — закон, определявший случаи, когда фабрикант имел право взимать штрафы, и указавший их максимальный размер; закон установил, что штрафные деньги должны идти не в карман капиталистов, а на нужды самих рабочих, ввел обязательную выдачу рабочему расчетной книжки, подчинил правила о расценках, воспретил расплату с рабочими вместо денег купонами, талонами и товарами. Эти законы были прямым результатом стачек 1885—1886 годов.

Громадное впечатление, произведенное Морозовской стачкой, усилилось благодаря суду над рабочими. Дело о Морозовской стачке разбиралось во Владимирском окружном суде два раза: в первый раз 7—8 февраля 1886 года без присяжных заседателей, когда из 19 подсудимых двое были оправданы, а остальные приговорены к аресту от 10 дней до трех месяцев; во второй раз — 23—27 мая 1886 года с участием присяжных заседателей, когда все 33 обвиняемых рабочих были оправданы.

Показания свидетелей вскрыли картину нечеловеческих условий, в которых находились рабочие фабрики Т. С. Морозова. Все честные люди встали на сторону подсудимых, боровшихся против притеснений. Один судебный следователь заявил, что нужно удивляться не тому, что произошло, а тому, как народ мог терпеть так долго.

Разоблачению капиталистических порядков во многом содействовало умелое поведение на суде П. А. Моисеенко, его вопросы свидетелям.

Когда перед судом предстал в качестве свидетеля директор фабрики Дианов, П. А. Моисеенко своими вопросами разоблачил Дианова, как компаньона Т. Морозова, изощрявшегося в изоб-

ретении способов выжать из заработка рабочего все новые и новые прибыли.

Мастер Шорин пытался всю вину за положение рабочих на фабрике свалить на фабриканта, а себя изобразить простым исполнителем его указаний. П. А. Моисеенко задал Шорину вопрос, почему же рабочие разгромили именно его квартиру, а не кого-либо другого. Шорин должен был признать, что он издевался над рабочими, писал без всякой причины штрафы и что рабочие его особенно ненавидели.

В качестве свидетеля выступал на суде и фабрикант Т. С. Морозов. П. А. Моисеенко вспоминал, что при допросе «жалко было смотреть на эту фигуру, когда-то грозную, а теперь съежившуюся, пришибленную, отвечающую невпопад».

П. А. Моисеенко попросил фабриканта объяснить, за что рабочим записывались штрафы. И когда Т. С. Морозов ответил, что штрафы писались за плохое качество работы («за порчу»), П. А. Моисеенко попросил предъявить фабриканту несколько расчетных книжек, в которых штрафы составляли не менее 30—40 процентов заработной платы. П. А. Моисеенко требовал, чтобы Морозов объяснил суду, за что в предъявленных ему книжках записаны штрафы. Фабрикант ничего не мог объяснить.

Приговор суда, по словам В. И. Ленина, «явился прямым осуждением не только Морозова и его администрации, но и всех вообще старых фабричных порядков» [1].

Однако несмотря на то, что суд признал П. А. Моисеенко и В. С. Волкова, как и других участников стачки, невиновными, министр внутренних дел приказал держать их под стражей. П. А. Моисеенко, оправданный судом, вновь оказался в тюрьме и остался там до октября 1886 года, когда было получено распоряжение о высылке его в административном порядке в Архангельскую губернию сроком на три года.

В Архангельской ссылке П. А. Моисеенко научился столярному ремеслу. С этого времени он не работал больше на текстильных фабриках, приобрел новую профессию. А. С. Серафимович, познакомившийся с П. Моисеенко в Архангельской ссылке, отмечал в нем выдающиеся качества революционера. «Больше всех поразил меня Мосеенок, — писал Серафимович. — Вся коммуна сразу почувствовала в нем настоящего непримиримого революционера, которого ничем не собьешь с революционного пути. Революция поглотила все его существо, все мысли и заботы. Вне революции для него не было смысла жизни» [2].

А. С. Серафимович писал о глубоком влиянии П. А. Моисеенко на всех его товарищей по ссылке. «Он был живой, как ртуть, жизнерадостный, не знал уныния... этот небольшого роста, коренастый, с веселыми, хитро-задорными глазами — человек неистощимой энергии, неистощимой веселости, неистощимой трудоспособности — не давал нам вешать носы». «...в практических вопросах мы перед ним были мальчишками», — писал А. С. Серафимович.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 24.
[2] Серафимович А. С., Соч., т. IV, стр. 479.

Несмотря на работу в столярной мастерской, П. А. Моисеенко находил время и для самообразования. Он был знаком с книгами по политической экономии, по истории, по рабочему вопросу и другим социально-экономическим вопросам. Любил он читать и художественную литературу. Он знал наизусть много стихотворений Н. А. Некрасова, а от В. Г. Короленко получил в подарок «все то, что вышло из-под его пера», с автографами писателя. Он читал известную работу Н. Г. Чернышевского «Примечания и дополнения к политической экономии Милля».

Был знаком П. А. Моисеенко и с марксистской литературой, под влиянием которой он освободился от народнических взглядов.

По его воспоминаниям, он с большим усердием читал первый том «Капитала» Маркса. Это подтверждает и Серафимович. После окончания срока ссылки П. А. Моисеенко оставил у своего домохозяина два сундука с книгами. Много книг он увез с собой в Челябинск, где некоторое время жил после ссылки. При обыске, произведенном у Моисеенко в Челябинске, был обнаружен «Капитал» Маркса и ряд книг по рабочему вопросу.

Выбор Челябинска местом жительства был не случаен. По-видимому, еще в ссылке он установил связи с революционерами, проживавшими там, и предполагал немедленно включиться в движение. Пинежский уездный исправник Архангельской губернии сообщал, что 29 июля 1889 года Моисеенко получил проходное свидетельство «на следование в г. Челябинск, где изъявил жительство», и в тот же день покинул место ссылки [1]. В Челябинск он прибыл 16 сентября 1889 года и сразу же остановился у политических ссыльных [2]. Здесь он, несмотря на умение конспирироваться, обратил на себя внимание как человек «сомнительной политической благонадежности», замеченный «в близких сношениях к лицам, составившим там антиправительственный кружок» [3]. Челябинский уездный исправник нашел «крайне вредным пребывание крестьянина Моисеенко в среде политических ссыльных» и начал переписку о высылке Моисеенко [4]. Департамент полиции предписал выслать рабочего-революционера этапным порядком на родину, в Сычевский уезд.

На родину П. А. Моисеенко прибыл 7 марта 1890 года и поселился в семье отца Анисима Ивановича. Жена его оставалась в Челябинске. Челябинский уездный исправник писал, что ему известно, что «Моисеенко оставил семью в Челябинске для того, чтобы получить на родине паспорт и с ним возвратиться в Челябинск» [5].

Из родной деревни он действительно вскоре уехал. Он рвался

[1] Государственный архив Смоленской области (в дальнейшем — СОГА), ф. 842 Сычевского уездного исправника, д. 550, л. 3.
[2] Там же, л. 12—12 об.
[3] Там же, л. 1.
[4] Там же, л. 12 об.
[5] Там же.

к революционной работе в промышленных центрах, пытался установить связи со знакомыми ему революционерами. И это ему сравнительно быстро удалось сделать. В 1891 году, по совету А. С. Серафимовича, он переехал в Екатеринодар (ныне Краснодар), а затем в Ростов-на-Дону, где принял участие в социал-демократическом движении. Установив связи с кружками в рабочем квартале за Темерником, П. А. Моисеенко с согласия руководителей социал-демократической организации завел столярную мастерскую, которая использовалась в качестве конспиративной квартиры, где проводились собрания, занимались кружки.

В Ростове-на-Дону в это время упорная борьба марксистов с народниками закончилась победой марксистов. В рабочих кружках изучались произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова и книги, издававшиеся группой «Освобождение труда». Моисеенко все более складывался как социал-демократ, изживал народнические взгляды.

Среди передовых ростовких рабочих П. А. Моисеенко пользовался большим авторитетом. Один из участников кружковой работы того времени вспоминал, что он «имел колоссальное влияние на всех, как рабочий вождь»[1].

В марте 1894 года Моисеенко был арестован. Это произошло незадолго до стачки в Главных железнодорожных мастерских, в подготовке которой он принимал участие.

Семь месяцев томили царские сатрапы Моисеенко в тюрьме, а затем выслали на три года — на этот раз в Вологодскую губернию.

Работа П. А. Моисеенко и других социал-демократов в Ростове-на-Дону имела большое значение для объединения в 1895 году ростовских марксистских кружков в марксистскую группу, возглавляемую Донским комитетом. Как вспоминает одна из участниц основания Донского комитета, при организации районных групп все почувствовали, что «пять лет прошедшей работы не прошли даром. Нам удалось организовать 10 кружков...»[2].

После Вологодской ссылки в феврале 1898 года П. А. Моисеенко вновь прибыл в деревню Обыденное, Сычевского уезда. За ним был установлен с 18 февраля бессрочный гласный надзор полиции[3]. Свое пребывание в доме отца он считал временным, некоторой передышкой, нужной для установления связи с известными ему социал-демократами. Как и после Архангельской ссылки, он не перевез на Смоленщину свою семью[4].

В конце мая 1898 года Петр Моисеенко покинул Сычевский уезд. Чтобы сбить с толку жандармов и полицейских, он объявил, что поедет в Красноярск, Енисейской губернии. 6 июня

---

[1] Семернин П. В., Корчин М. Н., Раенко Я. Н. Очерк истории большевистских организаций на Дону, ч. I, стр. 20.

[2] Рабочее движение и социал-демократия в Азово-Черноморском крае 90-х и начала 1900-х годов. Сборник документов и материалов, 1935, стр. 13.

[3] СОГА, ф. 833, д. 649, ведомость о состоящих под гласным надзором полиции.

[4] Там же, лл. 40об—41.

уездный исправник сообщил об этом начальнику Смоленского губернского жандармского управления[1]. В Красноярске Моисеенко не был обнаружен и циркуляром по департаменту полиции от 22 января 1899 года был занесен в список лиц, подлежащих розыску по делам политическим[2].

Пока жандармы разыскивали П. А. Моисеенко по всей России, он успел побывать в Ростове-на-Дону, где стал устанавливать связи с социал-демократами. Затем по совету товарищей он перебрался в Донбасс, где провел почти двенадцать лет, живя в Юзовском, Горловском, Павловском и других районах.

К началу XX века П. А. Моисеенко было 50 лет. Тюрьмы, ссылки, преследования царского правительства сильно подорвали его здоровье, однако революционер Моисеенко продолжал работать. На Щербинском руднике он познакомился с Григорием Ивановичем Петровским. Вместе с Петровским он организовал там социал-демократический кружок.

Моисеенко поддерживал связи с екатеринославскими социал-демократами и с кружками других рудников, участвовал в издании и распространении листовок, в организации массовых собраний рабочих, в стачках. В его квартире нередко хранилась нелегальная литература.

Полицейские преследования заставляли Моисеенко менять места работы. Из Щербиновки он вынужден был переехать в Лозовую-Павловку, а через некоторое время — на Орлово-Еленевские рудники.

В период революции 1905—1907 годов П. А. Моисеенко впервые за свою жизнь увидел массовое движение пролетариата, руководимое политической партией, партией большевиков, поддержанное крестьянами и всеми трудящимися.

П. А. Моисеенко принимал участие в стачечной борьбе, в первомайских митингах и демонстрациях. В Лозовой-Павловке он входил в стачечный комитет, причем рабочие, зная его богатый революционный опыт, просили Моисеенко работать вместе с председателем стачечного комитета.

В годы последовавшей за революцией реакции Моисеенко вынужден был, скрываясь от полицейских преследований, переезжать с места на место. Но он не пал духом. Он по-прежнему верил в торжество дела рабочего класса, поддерживал уверенность в победе в окружавших его социал-демократах, боролся за сохранение и укрепление нелегальных партийных организаций. «Только беззаветная преданность делу и вера в победу над общим врагом окрыляла нас и давала силу и бодрость. Мы, более сознательные рабочие, ясно видели, что царизм трещит по всем швам, как бы реакция ни душила. Мы возрождались снова и да-

---

[1] СОГА, ф. 833, д. 649, ведомость о состоящих под гласным надзором полиции, лл. 40об—41.

[2] СОГА, ф. 833, д. 664, л. 10.

вали знать, что «жив Курилка», есть еще порох в пороховницах», — вспоминал он [3].

В период кампании по выборам в Государственные думы Моисеенко неоднократно выступал на собраниях перед рабочими, разъясняя характер Думы и избирательного закона. Рабочие избирали его выборщиком и даже намечали его кандидатуру в депутаты Думы.

С 1912 года П. А. Моисеенко поселился в Горловке, где прожил четыре года.

Особенно большое значение в развитии партийной работы в Донбассе имела газета «Правда», явившаяся могучим оружием партии в деле укрепления своих организаций и завоевания влияния в массах. Популярность «Правды» в Донбассе была огромной. На одном только руднике в Горловке, где вел революционную работу Петр Моисеенко, подписка на «Правду» доходила до 20 экземпляров, причем с каждым месяцем число выписываемых номеров все увеличивалось.

Немало заботился об этом П. А. Моисеенко.

В годы первой мировой войны П. А. Моисеенко неоднократно выступал на митингах и собраниях рабочих, проводившихся обыкновенно в балках. Здесь выносились большевистские резолюции об отношении к грабительской войне.

В 1916 году он выступил одним из руководителей крупнейшей забастовки десяти рудников Донбасса (Горловский, Никитовский, Царев-Байрак и др.), в которой участвовало свыше 30 тысяч рабочих. Стачка, вызванная ухудшением экономического положения рабочих, продолжалась с 19 апреля по 11 мая 1916 года. Забастовке предшествовал ряд митингов. На одном из них в Горловке рабочие вынесли резолюцию о прекращении империалистической войны; эта резолюция сыграла большую роль в ходе стачки.

За время стачки, продолжавшейся более трех недель, П. А. Моисеенко без устали посещал собрания и митинги рабочих, речи его производили большое впечатление. Нередко, организуя митинг, рабочие прежде всего узнавали, где находится «старик» (так они называли Моисеенко), посылали за ним кого-нибудь из надежных людей. Он вошел в состав стачечного комитета, руководившего забастовкой.

Борьба была упорной и длительной. В первых числах мая произошло столкновение стачечников с полицией и войсками. Войска применили оружие, четверо рабочих было убито и двое тяжело ранено. Многие рабочие, свыше 400 человек, были арестованы.

Моисеенко избежал ареста потому, что за несколько дней до разгрома стачки он был послан в Петроград за помощью и советами. О кровавых событиях в Донбассе он узнал на обратном пути в Орле.

П. А. Моисеенко был счастливее многих рабочих-революционеров. Начав свою революционную деятельность еще в начале 70-х

[3] Воспоминания П. А. Моисеенко, стр. 176.

годов — на заре рабочего движения, пройдя активным участником всю предоктябрьскую историю рабочего класса, он дожил до счастливого дня — до Великой Октябрьской социалистической революции. Это был долгожданный день, во имя которого он на протяжении пятидесяти лет, несмотря на суровые преследования царизма, вел неутомимую революционную работу.

И когда несметные полчища иностранных интервентов и внутренних белогвардейцев напали на молодую советскую республику, стремясь задушить Советскую власть и восстановить в стране капиталистические порядки, П. А. Моисеенко — почти семидесятилетний старик — не колеблясь, вступил в ряды Красной Армии, чтобы защищать великие завоевания Октября. Рядовым санитаром он участвует в боях против белогвардейских банд Бичерахова.

В эти суровые годы, когда наша страна находилась в огненном кольце фронтов, когда на молодую Советскую республику напали 14 буржуазных государств, когда против большевиков и Советской власти открыто выступили не только буржуазные помещичьи партии, но и партии мелкобуржуазной демократии — меньшевики и эсеры, скатившиеся в болото контрреволюции, — Петр Анисимович Моисеенко в 1918 году вступил в ряды Коммунистической партии. Это было закономерное завершение полувекового боевого пути рабочего-революционера, горячего патриота Родины, отдавшего все свои силы борьбе за дело рабочего класса.

П. А. Моисеенко внимательно следил за успехами молодого советского государства и старался оказать посильную помощь партии в строительстве новой жизни. Семидесятилетним стариком он объездил многие предприятия Советской России, выступал на собраниях и митингах Москвы, Харькова, Ленинграда, Орехово-Зуева и других городов, рассказывал о своем боевом пути. Он радовался успехам Советской страны на фронте мирного социалистического строительства, тяжело переживал сообщения о неудачах на каком-либо участке, внимательно следил за революционной борьбой западноевропейского пролетариата. Даже за несколько дней до смерти он ежедневно читал газеты.

Умер П. А. Моисеенко 30 ноября 1924 года. Тело его было похоронено в ограде памятника Морозовской стачке 1885 года на Никольской мануфактуре.

В день смерти пролетарский писатель А. С. Серафимович писал в «Правде»: «Он был сын своего класса и все черты, которые выковывает в пролетарии тяжкая жизнь и беспощадная борьба, в нем выступали отчетливо и резко. Та особенная сметка, практичность, которые так характерны для рабочего, пронизывали всю его революционную деятельность, — и оттого результаты ее громадны, несмотря на невероятно тяжелые условия. Его нет. Но его пламенное сердце огненно выжгло в истории пролетарита его имя навеки» [1].

[1] Серафимович А. С., Соч., т. VIII, стр. 146.

ЛУКА ИВАНОВ (АБРАМЕНКОВ)

Лука Иванов (Абраменков) принадлежал к числу выдающихся деятелей рабочего движения 70-х—80-х годов. За активное участие в стачке на Новой бумагопрядильне в 1879 году он был вместе с П. А. Моисеенко выслан в Енисейскую губернию. Вместе с Моисеенко он готовил Морозовскую стачку и руководил ею.

О революционной деятельности Луки Иванова, как и многих других передовых рабочих, мы знаем очень мало. Между тем изучать историю рабочего движения во всем его многообразии и сложности нельзя, не изучая биографий его выдающихся участников. Следует на первый случай собрать хотя бы то немногое, что имеется в нашей литературе и опубликованных источниках о жизни и революционной деятельности Л. Иванова.

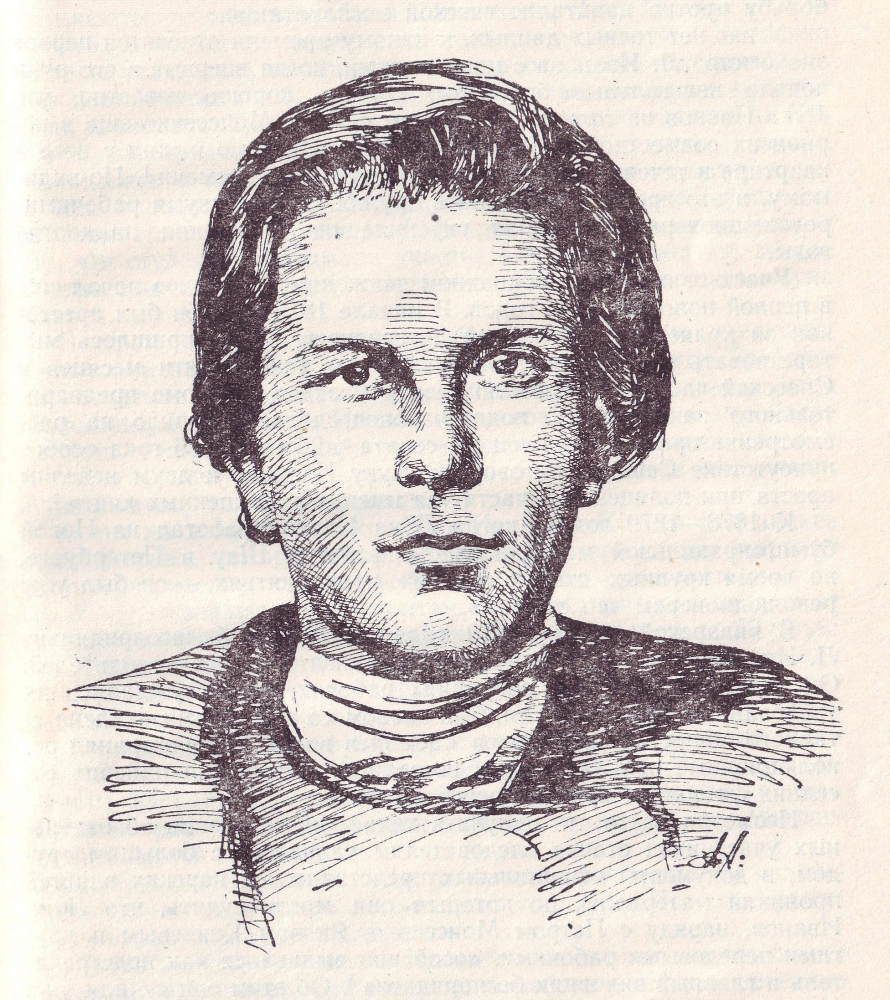
Лука Иванов (Абраменков) происходил из крестьян села Дьяково, Мокринской волости, Гжатского уезда, Смоленской губернии. Родился он в 1852 году. В семье отца, помимо Луки, было три сына: Павел, Осип, которые жили в деревне и занимались сельским хозяйством, и Михаил, ушедший на заработки в Москву.

Лука рано покинул родную деревню. Ему было 14 лет, когда он попал в Петербург, где стал работать на текстильной фабрике. Положение рабочих на текстильных фабриках, особенно детей и подростков, было невероятно тяжелым. Приходилось часто менять места работы, надеясь устроиться получше. За короткое время сменил несколько фабрик и Лука Иванов. Сначала он работал на фабрике Сундукова, но примерно через год поступил в одну из мастерских на Лиговке. Прошло полгода, и он уже за Нарвской заставой на шелковой фабрике Клебера, через некоторое время — на Новобумагопрядильной фабрике, а затем — на фабрике Шау.

За это время он не менее двух раз ездил на родину в деревню Дьяково, причем во второй раз жил там около двух лет.

Летом 1878 года Лука Иванов женился и осенью снова уехал в Петербург, опять поступил на Новобумагопрядильную фабрику.

Переход с одной фабрики на другую помогал крестьянину,

ЛУКА ИВАНОВ (АБРАМЕНКОВ)

пришедшему на заработки в город, надеявшемуся вернуться с деньгами в деревню, чтобы поправить разорявшееся хозяйство, разобраться в обстановке, увидеть, что тяжело рабочему живется не на одной какой-либо фабрике, а на всех капиталистических предприятиях. Молодой рабочий начал постепенно втягиваться в борьбу против капиталистической эксплуатации.

У нас нет точных данных, к какому времени относится первое знакомство Л. Иванова с народниками, когда впервые в его руки попали нелегальные брошюры. Однако хорошо известно, что Лука Иванов не только был знаком с П. А. Моисеенко еще в период их совместной работы на фабрике Шау, но и жил у него в квартире в течение сравнительно длительного времени [1]. По-видимому, в это время и завязалась дружба между двумя рабочими-революционерами, которая скрепила их отношения на долгие годы.

Участвовать в революционном движении Л. Иванов начал еще в первой половине 70-х годов. В начале 1875 года он был арестован за хранение нелегальной литературы. Долго пришлось мытарствовать ему по тюремным камерам (около пяти месяцев в Спасской части, затем около девяти месяцев — в доме предварительного заключения), пока, наконец, дело поступило на рассмотрение правительствующего сената [2]. 26 мая 1876 года особое присутствие Сената приговорило Луку Иванова к двум неделям ареста при полицейской части «за именье запрещенных книг» [3].

К 1878—1879 годам, когда Лука Иванов работал на Новой бумагопрядильной мануфактуре и фабрике Шау в Петербурге, во время крупных стачек на этих предприятиях, — он был уже революционером «со стажем».

В январской стачке 1879 года на Новой бумагопрядильне Л. Иванов играл роль одного из организаторов и руководителей. Он участвовал во всех собраниях рабочих, где обсуждались их требования к капиталистам, был знаком со студентами — членами тайного общества народников «Земля и воля», распространял революционные прокламации и воззвания, агитировал рабочих соседних фабрик за присоединение к стачке.

Несмотря на то что получить какие-либо сведения об отдельных участниках стачки следователям удавалось с большим трудом, в документы официальных представителей царских властей проникли материалы, по которым они могли судить, что Лука Иванов, наряду с Петром Моисеенко, Яковом Коняевым и другими передовыми рабочими, «особенно выдавался как подстрекатель и главный виновник беспорядков» [4]. Об этом они судили уже по тому, что при аресте Лука Иванов пытался бежать и выронил клочок бумаги, на котором, как оказалось, были изложены тре-

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. I, стр. 165.
[2] Там же, т. II, ч. II, стр. 158—159.
[3] Там же, стр. 350.
[4] Там же, стр. 338.

бования бастовавших рабочих [1]. Разумеется, текст с требованиями бастующих мог оказаться только у человека, близко стоявшего к руководящему центру стачки.

Среди лиц, связанных с деятелями «Земли и воли» и имевших отношение к руководству стачкой петербургских текстильщиков, называются прежде всего П. А. Моисеенко, Лука Иванов и Яков Коняев. В одном из документов сообщается, что «...как только рабочие отказались от продолжения работ, среди них появились два посторонних лица... «студенты», которые из числа рабочих были знакомы с Лукою Ивановым и с прежде работавшим на Новой бумагопрядильне Яковом Коняевым...» Студенты сначала переоделись в квартире Луки Иванова в рабочее платье, полушубки, подпоясанные кушаками, и валенки, а потом пошли к рабочим. Начиная с 16 января (дня прекращения работ на фабрике), эти студенты принимали участие в сходках рабочих; вместе с ними появлялись среди стачечников П. А. Моисеенко и Лука Иванов.

Вечером 16 января около ста рабочих собрались на совещание, на котором выработали свои требования к фабриканту. Требования записывали студенты. Среди участников совещания были Моисеенко, Коняев и Л. Иванов. Участвовали они и в выработке петиции к наследнику царя и в манифестации забастовщиков к Аничкову дворцу, где он жил. Часть рабочих была задержана. Луке Иванову удалось скрыться.

В тот же день Моисеенко, Лука Иванов и Коняев совещались со студентами, что предпринять дальше. Они пришли на квартиру одного из рабочих, где уже собрались другие руководители стачки. У них оказались «две печатные афиши», принесенные ими от студентов; по их словам, таких афиш было у студентов до 60 штук: это, по-видимому, были только что отпечатанные прокламации «От ткачей Новой бумагопрядильни, что на Новой канаве, к рабочим всех фабрик и заводов».

На совещании было решено распределиться по соседним фабрикам и присоединить рабочих к забастовке. П. А. Моисеенко пошел на фабрику Шау. Луке Иванову поручили вместе с другими четырьмя рабочими отправиться агитировать на фабрику Максвеля за Невской заставой [2].

На фабрике Максвеля были разбросаны по лестницам «записки вредного содержания». Кто-то из группы Луки Иванова прибил к стене фабрики прокламацию [3].

Самое деятельное участие Лука Иванов принял в организации материальной помощи тем бастующим рабочим, которые особенно нуждались. В агентурной записке об аресте «коноводов по стачке» он назван сборщиком денег на поддержание стачки [4].

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. II, ч. II, стр. 344.
[2] Там же, стр. 341—346.
[3] Там же, стр. 336.
[4] Там же, стр. 313.

В ночь на 18 января 1879 года Лука Иванов вместе с другими руководителями стачки был арестован и заключен в тюрьму. Как наиболее опасный для царского самодержавия и капиталистов «преступник», он содержался в одиночной камере. В соответствии с «высочайшей волей», высказанной 16 апреля 1880 года, Л. Иванов и П. Моисеенко были высланы «для водворения на жительство под надзором полиции» в Енисейскую губернию.

На пути в Сибирь руководители стачки вновь встретились и до города Канска, Енисейской губернии, шли этапом вместе. Отсюда Петра Моисеенко отправили в село Анцырское, а Луку Иванова — в село Устьянское. В Вышнем Волочке Лука Иванов и П. А. Моисеенко познакомились с выдающимся рабочим-революционером 70-х годов, другом Петра Алексеева, Иваном Тимофеевичем Смирновым и другими политическими ссыльными, с которыми впоследствии вели переписку.

Из ссылки они вернулись вместе и поселились в Орехово-Зуеве. Одно время вместе работали на фабрике Смирнова. Затем П. А. Моисеенко поступил вместе с женой на Никольскую мануфактуру Т. С. Морозова, а Лука Иванов остался у Смирнова. Хотя друзей отделяли восемь верст пути, а рабочий день на фабриках продолжался до 12 часов, Петр Анисимович Моисеенко и Лука Иванов очень часто встречались, ходили друг к другу [1]. В деревне Ликино, где находилась фабрика Смирнова, Л. Иванов жил на одной квартире с братом П. А. Моисеенко — Григорием.

Руководителями Морозовской стачки обычно называют П. А. Моисеенко, В. С. Волкова и Ф. А. Шелухина. Документы позволяют сделать вывод о непосредственном участии в подготовке и проведении ее и Луки Иванова. Многие нити событий, происходивших на фабрике Морозова, вели в деревню Ликино.

Достоверно установлено, что Л. Иванов принимал участие в первом собрании рабочих Никольской мануфактуры, обсуждавшем вопрос о начале стачки, 5 января 1885 года. По показанию В. С. Волкова, Лука Иванов говорил на этом совещании, что «хотя он и не здешней фабрики, но слышал от брата (братом он называл Петра Анисимова [2]) о тяжелом положении рабочих, а потому советовал действовать сообща, переговорить с другими товарищами, и чтобы все было тихо» [3].

Ночью с 5 на 6 января Лука Иванов снова был в Зуеве и участвовал вместе с П. А. Моисеенко, В. С. Волковым и другими рабочими в выработке требований фабриканту, которые были одобрены 6 января на собрании рабочих в трактире на Песках [4].

Весь день 6 января Лука Иванов оставался на фабрике Морозова. Днем он присутствовал на собрании рабочих, а вечер провел в семье П. А. Моисеенко, куда пришел и брат Петра Анисимовича Григорий. И дома продолжали обсуждать вопросы, связанные с предстоящей стачкой. По словам Моисеенко, они в этот вечер «рассуждали о том, как бы это дело (то есть стачку — *Д. Б.*) сделать получше» [1].

7 января, день начала забастовки, Лука Иванов снова провел на фабрике Морозова. Рано утром он «прошел фабрикой, посмотреть, что делается... Шел... конторским двором и видел, что рабочие разгромили харчевые лавки, тащили, что только можно». Сам он показал судебному следователю, что это было не единственное его посещение Никольской мануфактуры. После 7 января «...всю неделю я работал на фабрике (Смирнова—*Д. Б.*) и сюда (то есть на фабрику Морозова — *Д. Б.*) приходил однажды только на несколько часов, кажется, 10 января. Тогда виделся я с Петром Анисимовым, но очень малое время» [2].

Все подробности хода Морозовской стачки были известны Луке Иванову. Ему, например, был известен план начала стачки и то, что стачка началась не так, как было задумано. Он знал, что П. А. Моисеенко отправил в Петербург телеграмму с просьбой прислать представителей центральной власти для разбора требований рабочих к администрации фабрики [3].

П. А. Моисеенко ежедневно бывал у Луки Иванова, советуясь с ним по всем вопросам, связанным с руководством стачкой нескольких тысяч рабочих. Днем он постоянно был среди рабочих, а на ночь, как правило, отправлялся в деревню Ликино. «До 7 января я ночевал постоянно дома, но с 7 января, то есть со дня, когда был беспорядок на фабрике Саввы Морозова сына и К°, я ночевал дома только с 9 на 10 января и до моего ареста дома не ночевал, хотя днем бывал на фабрике и заходил домой», — показывал Моисеенко на следствии [4].

Лука Иванов хорошо знал о поездке П. А. Моисеенко в Москву и о целях этой поездки. Прежде чем отправиться в Москву, руководитель забастовки зашел к своему другу. На обратном пути П. А. Моисеенко вновь пошел прежде всего на квартиру Луки Иванова, где и был арестован жандармами.

В руках Луки Иванова сосредоточивалась переписка его и Моисеенко со знакомыми политическими ссыльными. При обыске на квартире Луки Иванова жандармы обнаружили переписку не только на его имя, но и на имя П. А. Моисеенко или обоим революционерам вместе. В письмах, адресованных Л. Иванову, нередко имелась корреспонденция для Моисеенко и наоборот. В письмах, отсылаемых Л. Ивановым, нередко часть текста была написана рукой Моисеенко.

---

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. I, стр. 190.
[2] П. А. Моисеенко.
[3] Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. I, стр. 223.
[4] Там же, стр. 224.

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. 1, стр. 211.
[2] Там же, стр. 191.
[3] Там же, стр. 187.
[4] Там же.

Все сказанное подтверждает, что Лука Иванов был одним из организаторов и руководителей Морозовской стачки 1885 года.

Он был арестован по делу стачки и некоторое время находился под стражей.

К сожалению, мы не знаем дальнейшей судьбы Луки Иванова (Абраменкова), этого замечательного рабочего-революционера, борца за счастливое будущее трудового народа.

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ МОРОЗОВ

Имя Петра Андреевича Морозова, как и Луки Иванова (Абраменкова), мало известно советским читателям.

П. А. Морозов происходил из крестьян деревни Бабышева, Субботниковской волости, Сычевского уезда[1]. О его детских и юношеских годах нам ничего не известно. Не знаем мы и о том, когда он попал в армию, но в армии он был, так как в полицейских документах он проходит как запасной унтер-офицер[2].

П. А. Морозов рано выехал из родной деревни и в конце 80-х годов жил в Петербурге, работал на одной из текстильных фабрик и участвовал в рабочем движении. В это время началось распространение марксизма в России.

В 1889 году организовалась марксистская группа студентов-пропагандистов (под названием «Социал-демократическое общество»), получившая в истории название «брусневской» по имени одного из ее организаторов студента-технолога М. И. Бруснева. Кружок Бруснева установил связь с группой «Освобождение труда» и принял ее программу.

Группа М. И. Бруснева играла важную роль в развитии социал-демократического движения в Петербурге. Она объединила около 20 рабочих кружков и в 1890 году выпустила первую прокламацию к забастовавшим рабочим порта с призывом вести организованную борьбу[3].

П. А. Морозов был одним из участников рабочих кружков, связанных с брусневской организацией.

Рабочий К. М. Норинский в своих воспоминаниях указывает, что П. А. Морозов в 1891 году участвовал в организованной брусневцами демонстрации на похоронах революционного демократа Н. В. Шелгунова — соратника Н. Г. Чернышевского[4]. Рабочие Петербурга любили писателя и, когда он тяжело заболел, преподнесли ему приветственный адрес. А на похоронах, в которых

[1] СОГА, ф. 833, 1898—1899, д. 649, лл. 20—22.

[2] Там же.

[3] Никитин И., Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», Госполитиздат, 1950, стр. 21.

[4] Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. II, стр. 97.

участвовало около 100 рабочих, несли венок с надписью «Н. В. Шелгунову, указателю пути к свободе и братству, от петербургских рабочих». Демонстрация имела важное политическое значение: марксистская организация М. И. Бруснева, до сих пор скрывавшаяся в подполье, громко заявила о своем существовании.

В том же 1891 году брусневская группа провела празднование дня революционной солидарности рабочих — Первого мая. Это была первая в России маевка. Она была проведена тайно. Незадолго до маевки на квартире Е. А. Климанова-Афанасьева состоялось собрание актива, принимавшего потом деятельное участие в подготовке маевки. «...собрался весь цвет рабочего движения, — вспоминал К. М. Норинский... — Вечер влил новые силы в каждого. Я помню, много после этого вечера и долго велись беседы и вспоминалось одно лишь хорошее». Петр Морозов был участником этого собрания [1].

На маевке с речами выступили рабочие Богданов, Афанасьев и Прошин. Ораторы призывали к революционной борьбе за свержение царизма и капитализма. Впоследствии речи рабочих на первой в России маевке были изданы М. С. Ольминским и сыграли свою роль в политическом воспитании рабочих.

Важным пропагандистским мероприятием брусневской группы было «Открытое письмо петербургских рабочих к польским рабочим». «Друзья и братья! — говорилось в нем. — С биением сердца мы, ваши товарищи с далекой Невы, из этой столицы мрака, рабства и угнетения, из этого логовища царя-деспота, страшного врага всего, что добро, правда, прогресс..., из этой столицы царя-изверга шлем вам, братья польские рабочие Лодзи и других городов, свой горячий от глубины души привет и сочувствие в вашей борьбе с этим подлым капиталистическим строем!».

Письмо заканчивалось призывом: «Соединимтесь же, пролетарии всех стран, а скоро уж наступит последний час наших врагов, и заблестит солнце социалистического строя» [2].

Это письмо распространялось в Петербурге среди рабочих, воспитывая в пролетариях чувства классовой солидарности рабочих различных стран и национальностей, чувства дружбы народов.

По-видимому, П. А. Морозов имел прямое отношение к изданию и распространению этого документа. Характерно, что именно он был послан в 1893 году из Петербурга в Лодзь для связи с рабочими организациями Польши [3].

Участие в работе марксистской организации М. И. Бруснева способствовало формированию марксистских взглядов Морозова. Есть сведения, что вначале он занимался в народовольческом кружке. В ходе борьбы между марксистами и народовольцами Петр Морозов, как и другие рабочие, сумел выбрать правильный

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. II, стр. 98.
[2] Там же, стр. 130—131.
[3] Там же, стр. 131, сноска.

путь, перешел в кружок, руководимый марксистами, связал свою жизнь с революционной борьбой рабочего класса под знаменем марксистско-ленинской партии. Перейдя на позиции марксизма, П. А. Морозов занял видное место в группе М. И. Бруснева. К. М. Норинский неоднократно называет его в числе «видных рабочих Петербурга»[1]. Петр Андреевич являлся членом центрального рабочего кружка брусневской группы.

К моменту знакомства с ним молодого слесаря Семянниковского завода [2] И. В. Бабушкина П. А. Морозов был хорошо подготовленным марксистом и вел большую пропагандистскую работу среди пролетарских масс за Невской заставой. Как вспоминает И. В. Бабушкин, Морозов очень много читал, брал книги из нелегальной рабочей библиотеки. «Интересно, как Морозов проносил из дому и домой книги: ему удавалось незаметно обкладывать вокруг себя по пятнадцати книг и проходить мимо шпионов совершенно безопасно»[3]. Впоследствии это стало известно жандармам.

В своих воспоминаниях И. В. Бабушкин дает очень высокую оценку П. А. Морозову как революционеру. Встречи с И. Ф. Костиным, С. И. Фунтиковым и П. А. Морозовым он считает важнейшими событиями в начале своей революционной деятельности. По словам Бабушкина, П. А. Морозов в глазах молодежи был самым образованным рабочим, и «мы постоянно мечтали сделаться когда-нибудь таковыми же» [4].

Полиции стало известно о революционной деятельности П. А. Морозова. За ним была установлена слежка. Для большей осторожности П. А. Морозов решил снять отдельную квартиру. В этой квартире помимо Морозова поселились С. И. Фунтиков и другие рабочие социал-демократы. Здесь же находилась и нелегальная рабочая библиотека Невской заставы.

В этой квартире, видимо, происходили занятия кружков. Как вспоминает Бабушкин, здесь он познакомился со многими фабричными рабочими.

Вскоре Морозова уволили с фабрики как опасного человека. И. Ф. Костину удалось устроить его в своей мастерской на Семянниковском заводе. «Мы этому были особенно рады...», — вспоминал И. В. Бабушкин, — находясь около нас, он сможет нами руководить, развивать нас и давать нам новые знания, и тогда-то мы уже легче сможем двигать вперед свое дело», а дела было много: «мы должны были развивать молодежь, такую же, как и мы, и много моложе нас, и выводить наружу некоторые злоупотребления, производившиеся заводской администрацией» [5].

Бабушкин рассказывает, что, заходя после работы на квартиру

[1] Рабочее движение в России в XIX веке, т. III, ч. II, стр. 97—100.
[2] Ныне Невский машиностроительный завод имени В. И. Ленина.
[3] Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина, 1893—1900 гг. стр. 51.
[4] Там же, стр. 50.
[5] Там же, стр. 53—54.

к своему товарищу, вместе с которым в мастерской работал П. А. Морозов, он прежде всего любопытствовал, о чем тот говорил днем с Морозовым, надеясь узнать что-нибудь интересное.

31 августа (12 сентября) 1893 года в Петербург приехал В. И. Ленин. Он вступил в марксистскую группу «стариков», состоящую из оставшихся после разгрома группы М. И. Бруснева марксистов С. И. Радченко и Г. Б. Красина и студентов-технологов Г. М. Кржижановского, В. В. Старкова, А. А. Ванеева, П. К. Запорожца.

Под руководством В. И. Ленина деятельность этой марксистской группы коренным образом перестроилась. Ленин поставил перед петербургскими марксистами задачу глубокого изучения революционной теории. Он подчеркивал необходимость сочетания теоретической работы с организационно-практической деятельностью, перехода от пропаганды к массовой политической агитации, чтобы положить конец разрыву между рабочим и социал-демократическим движением. В. И. Ленин предложил членам своей группы самим непосредственно руководить кружками рабочих, собирать сведения о настроениях рабочих, чтобы лучше определить методы подхода к пролетарской массе, заслушивать отчеты о работе в кружках. В. И. Ленин и сам включился в активную работу среди пролетариев за Невской заставой. Здесь он руководил тремя кружками. Один из них занимался на квартире И. В. Бабушкина; кроме хозяина квартиры, в него входили В. А. Шелгунов, И. Ф. Костин и другие рабочие. В. И. Ленин руководил также несколькими рабочими кружками на Васильевском острове, на Петербургской стороне. Он пользовался горячей любовью передовых рабочих за его внимательность и чуткость, за простоту и ясность мысли.

Когда В. И. Ленин приехал в Петербург, П. А. Морозов был еще на свободе. Квартиру рабочего Порфирия Михайлова, куда часто заходил Петр Морозов, посещали также Г. М. Кржижановский, А. А. Ванеев, В. А. Шелгунов и другие члены группы «стариков» и члены рабочего кружка, руководимого В. И. Лениным.

Недолго пришлось П. А. Морозову работать под руководством В. И. Ленина. В январе 1894 года Петра Андреевича арестовали.

За свою короткую жизнь неутомимый революционер несколько раз арестовывался, сидел в тюрьмах и ссылался.

В Сольвычегодской ссылке он познакомился и был тесно связан с выдающимся пропагандистом марксистских идей Н. Е. Федосеевым.

После ссылки П. А. Морозов заехал на некоторое время в родные сычевские места. Немедленно на него было заведено дело как на состоящего под гласным надзором полиции, из которого мы узнаем, что по распоряжению министра внутренних дел П. А. Морозов «по окончании срока надзора, учрежденного за ним в г. Сольвычегодске, прибыл на родину с воспрещением жительства в столицах и С.-Петербургской губернии впредь до особого

распоряжения», а в промышленных губерниях — в течение двух лет. Распоряжение начальника Смоленского губернского жандармского управления на этот счет подписано 9 февраля 1898 года. По-видимому, около этого времени он прибыл в деревню Бабышево, Сычевского уезда. Однако вскоре он покинул родные места и отправился в Екатеринослав (ныне Днепропетровск), о чем уже 10 марта 1898 года Сычевский уездный исправник донес смоленскому губернатору и в губернское жандармское управление[1].

Несмотря на совершенно расстроенное здоровье и тяжелые условия труда на заводе, куда он поступил кочегаром, П. А. Морозов немедленно принялся за революционную работу. Приехал он как раз вовремя. В Екатеринославе уже работал сосланный сюда из Петербурга И. В. Бабушкин, которому удалось создать здесь «Екатеринославский Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (по примеру Петербургского «Союза борьбы», созданного В. И. Лениным) и выпустить восемь прокламаций, обращенных к рабочим города. И. В. Бабушкину очень были нужны профессионалы-революционеры для налаживания здесь дела.

И. В. Бабушкин вспоминал:

«Как-то вечером, сидя у себя на квартире с Г., я неожиданно был приятно удивлен. В комнату, в сопровождении одного петербургского товарища, вошел П. А. Морозов, вернувшийся из ссылки в Вологодской губернии. Конечно, как старые друзья, мы скоро сошлись с ним почти во всех вопросах. Принимая во внимание, что П. А. был человек очень развитой и бывалый, видевший много разных людей, разные способы работы, а, следовательно, могущий во многом нам помочь, я решил, что его следует ввести к нам в комитет. Такое свое желание я передал другим и получил согласие всех. Оно и понятно, так как нам тогда были страшно нужны люди, бывшие уже в работе, имевшие богатый опыт деятельности и могущие несколько помочь в редакторстве разных листовок. Всем этим требованиям П. А. Морозов отвечал как нельзя лучше и значит являлся самым желательным человеком. Он был принят членом в Екатеринославский Комитет»[2].

Г. И. Петровский, познакомившийся с П. А. Морозовым в Екатеринославе в то время, когда только еще вступал на путь революционной борьбы, дает очень высокую оценку пропагандистской работе Петра Андреевича. По словам Г. И. Петровского, это был «один из лучших социал-демократов того времени, чудный пропагандист нашей партии, мыслитель, высокоодаренный и скромный человек».

«И. В. Бабушкин, — вспоминает Г. И. Петровский, — предложил нам послушать т. Морозова...

---

[1] СОГА, ф. 833, д. 649, 1898—1899, л. 42.

[2] Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина, стр. 120. Екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» был переименован после I съезда РСДРП в Екатеринославский комитет РСДРП.

П. Морозов выше среднего роста, на вид корявый человек, такие у него и руки... но в глазах его светилась ярко притягательная сила, вызвавшая у нас к нему большую симпатию, и после некоторого времени т. Морозов захватил нас целиком в плен своей изумительной высокополитической марксистской агитацией» [1].

И. В. Бабушкин и П. А. Морозов организовали в Екатеринославе подпольную типографию и наладили издание нелегальной революционной литературы. Здесь была отпечатана первомайская листовка 1899 года.

П. А. Морозов принял участие в составлении первомайского листка. Как вспоминает Бабушкин, «На собрание доставили три листка, из которых два были найдены очень подходящими, и решили из двух составить один, редакцию же возложили на двоих и, главным образом, на Морозова» [2].

Первомайские прокламации печатались на квартире П. А. Морозова. «В квартире на шестке стояла разная посуда с составами клея и патоки, на полу сосуды с отлитыми валиками, всюду признаки беспорядочности и государственного преступления, — писал Бабушкин. — Тут же были и ручки, и стальные оси для предполагаемых валиков, сделанные уже в третьем заводе и третьим членом комитета» [3].

После изнурительной работы на заводе П. А. Морозов просиживал ночи за типографским станком. «В четверг я продолжал работать один с хозяйкой, но уже к четырем часам собрались товарищи и в том числе Морозов, на которых я свалил тяжелую работу, — вспоминает И. В. Бабушкин о заключительном этапе печатания листовок» [4].

Листовки получились на славу. Они призывали рабочих к единению, к организованной борьбе с капиталистами. Три стороны листовки были обрамлены боевым лозунгом: «8 часов работы! 8 часов отдыха! 8 часов сна!» Внизу стояла подпись «Екатеринославский комитет РСДРП».

Всего было отпечатано около 3000 листовок. Они были распределены между членами комитета для распространения по городу. П. А. Морозов взял с собой 300 листовок. Но распространить их ему не удалось. В тот же день, перед 19 апреля (по старому стилю) 1899 года, накануне Первомайского праздника, Морозов был арестован на вокзале.

Арестованный, П. А. Морозов сказал жандармам, будто найденные у него листовки он получил от неизвестного человека, который просил принести их в субботу на собрание в лесок, около железнодорожного моста. На этом собрании будет решено, как поступить с этими листовками. Жандармский офицер поверил по-

---

[1] Письмо Г. И. Петровского в Смоленский обком КПСС от 12 января 1953 года.
[2] Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина, стр. 147.
[3] Там же, стр. 149.
[4] Там же, стр. 151—152.

казаниям Морозова и с раннего утра нарядил жандармов и полицейских в штатское платье, переоделся сам. Прошло немало времени, а собрания нигде не видно, не видно и никакой публики. Между тем день клонился к концу, стало совсем темно, но никто из социалистов не появлялся. Оставив посты до утра, жандармский офицер вернулся домой. Но оказалось, что в эту самую ночь по всему Екатеринославу, по всем его районам, уголкам и закоулкам были разбросаны в большом количестве те самые листки, какие были обнаружены у Морозова. «Разъяренный жандарм вызвал Морозова из тюрьмы к себе, и лишь только тот успел войти к нему в кабинет, как он крикнул:

— Обман-нн-нул, сукин сын...

— Как? Когда?... — еле удерживаясь от смеха, спрашивает Морозов.

— А кто вчера говорил, что будет собрание? Не ты?!

— Почем же я знаю, оно может и было?

— Да как же было. Я сам вчера под мостом просидел целый день, три раза переодевался, и ни один мошенник не явился. Все это ты насочинил.

— Не знаю, может они отложили пока свое собрание...

— А листки-то как явились по всему Екатеринославу?» [1]

В квартире у Морозова был произведен обыск, но кроме бумаг, ничего не нашли, хотя все горшки с массой и клеем были в квартире.

Чтобы не пало подозрение на Морозова, что отобранные у него листки предназначались для распространения в городе, Комитет при распределении листовок обеспечил листовками район, предназначавшийся ранее для Морозова.

В Екатеринославе П. А. Морозов принял участие в подготовке к изданию социал-демократической газеты «Южный рабочий». Как пишет И. В. Бабушкин: «...у нас с Морозовым происходили разговоры о создании местной газеты. На издание первого номера нам предлагали сто рублей...

Очевидно, приблизительно в это же время зародилась мысль о создании вообще органа для южного района. Мне приходилось говорить по этому поводу с одним интеллигентом, и не раз мы устраивали конспиративные встречи для обсуждения этого вопроса» [2].

Газета вышла в 1899 году под руководством И. В. Бабушкина. В отличие от дальнейших номеров «Южного рабочего», когда редакция противопоставила его Ленинской «Искре» и заняла оппортунистическую позицию, первые номера «Южного рабочего» твердо стояли на ленинских позициях.

Работа И. В. Бабушкина и П. А. Морозова и других марксистов в Екатеринославе имела положительные результаты. В

---

[1] Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина, стр. 153—154.
[2] Там же, стр. 143.

1898—1900 годах здесь наблюдался значительный рост социал-демократического рабочего движения. Были организованы многочисленные кружки, кассы взаимопомощи, библиотека нелегальной литературы. В 1899 году действовало 25 рабочих кружков. По жандармским подсчетам, было распространено 39 разных прокламаций.

После ареста П. А. Морозов просидел около года в екатеринославской тюрьме. Пребывание в тюрьме добило и без того подорванное здоровье революционера. Летом 1900 года Морозов, уже безнадежно больным, был выпущен из тюрьмы и выслан на родину — в город Сычевку, Смоленской губернии. Здесь в январе 1901 года он умер.

Ленинская газета «Искра» поместила некролог, посвященный памяти П. А. Морозова.

«Покойный принадлежал к числу лучших агитаторов нашего движения»[1] — так определила «Искра» место Петра Андреевича Морозова в истории русского революционного рабочего движения.

[1] «Искра», № 4, май 1901 г.

[Так же не мало пользы для Совет. власти принес]

ВАСИЛИЙ ЗАХАРОВИЧ СОБОЛЕВ

Василий Захарович Соболев был одним из активнейших участников борьбы за установление и упрочение Советской власти на Смоленщине. Он родился в 1891 году в трудовой семье. Его детские и юношеские годы прошли в Смоленске. Еще гимназистом В. З. Соболев включился в революционную работу, связавшись с рабочими-печатниками, металлистами, портными, булочниками. Ему удалось поступить в Московский университет, однако учеба в университете, где он систематически и упорно изучал марксистскую литературу, продолжалась недолго. Одновременно с учебой В. З. Соболев вел революционную работу среди московского пролетариата, устроившись библиотекарем в читальне профсоюзной организации. За революционную деятельность он был исключен из университета и выслан на родину — в Смоленск. С этого времени 22-летний юноша становится активным и деятельным членом большевистской организации в Смоленске.

Деятельность Смоленской большевистской организации в годы революционного подъема перед первой мировой войной заметно оживилась. Однако в условиях царского самодержавия большевики не могли действовать открыто, и для более тесной связи с массами использовали легальные организации — думскую трибуну, профсоюзы, легальную печать, больничные кассы и т. д. В Смоленске легальным прикрытием в работе большевиков была больничная касса. Она помещалась в доме № 20 по Армянской (ныне имени Соболева) улице. Секретарем ее был избран В. З. Соболев. Одновременно он сотрудничал в легальном большевистском журнале «Вопросы страхования». Используя легальные условия, он боролся за укрепление городских профессиональных организаций — печатников, металлистов, булочников и других.

Революционная деятельность В. З. Соболева в Смоленске не ограничивалась работой в легальных организациях. Вместе с другими смоленскими большевиками он активно участвовал в нелегальной партийной работе, организовывал собрания передовых рабочих, выступал на них с речами, участвовал в печатании и распространении большевистских прокламаций и т. д. В 1915 го-

ду большевикам удалось организовать массовую маевку в Черном (ныне Красном) Бору.

Осенью 1916 года из революционно настроенных солдат Смоленского гарнизона большевики создали военно-революционный центр пропаганды. Эта организация была тесно связана с большевистски настроенными рабочими, объединенными через больничную кассу В. З. Соболевым.

В то время Смоленский комитет РСДРП(б) работал под руководством Московского областного бюро ЦК партии. По заданию областного бюро ЦК Смоленский военно-революционный Комитет при первом известии о начале революции в столице должен был поднять в городе восстание гарнизона и рабочих и взять в свои руки всю гражданскую и военную власть.

Но В. З. Соболеву не пришлось быть участником февральского переворота в Смоленске. 6 января 1917 года он был арестован и заключен в тюрьму. На допросах В. З. Соболев отказался давать какие бы то ни было показания. Его лишили права свиданий с родными и права получать передачи. Но эти меры тюремщиков не сломили его воли.

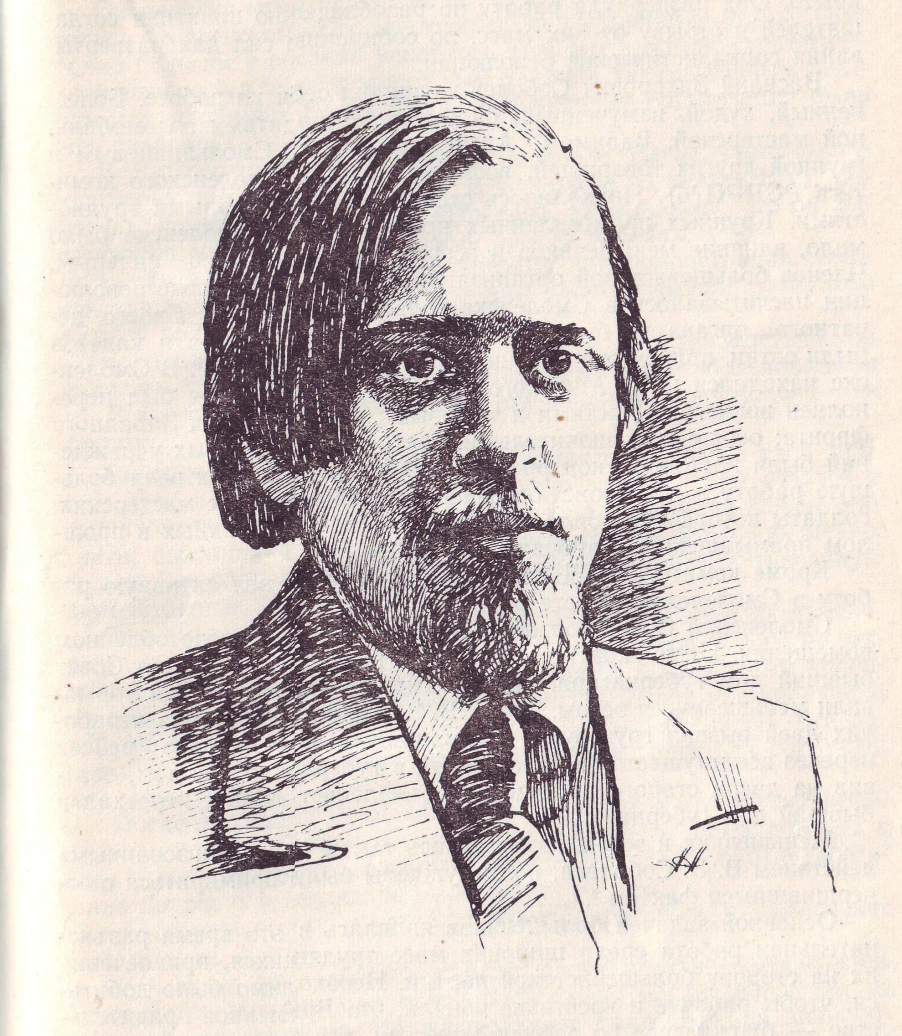
Самодержавие было свергнуто в Смоленске без вооруженного восстания. 3 марта 1917 года рабочие и революционные солдаты Смоленска, узнав о совершившейся в Петрограде Февральской буржуазно-демократической революции, прошли по улицам города, потом освободили заключенных. Среди освобожденных был В. З. Соболев.

Вместе с группой других политических заключенных рабочие торжественно вынесли В. З. Соболева из тюрьмы на руках. Василий Захарович горячо приветствовал колонны демонстрантов, вышедших на улицу по случаю свержения самодержавия.

Однако власть в городе захватили на этот раз сговорившиеся между собой буржуазия и различные мелкобуржуазные элементы из думы и земства. В этот же день они образовали контрреволюционный городской исполнительный комитет.

Февральская революция не разрешила ни одного волновавшего трудящихся вопроса; пробравшаяся к власти буржуазия продолжала империалистическую войну, душила крестьянское движение за землю, не могла дать голодавшим хлеба. Рядом с властью буржуазии — Временным правительством — существовала другая власть — Советы рабочих и солдатских депутатов. Но большинство в Советах принадлежало меньшевикам и эсерам, представителям мелкобуржуазной демократии, которые вели соглашательскую политику и добровольно сдали власть буржуазному Временному правительству.

По гениальному плану В. И. Ленина, изложенному им в «Апрельских тезисах» и принятому на VII (Апрельской) конференции большевиков, наша партия взяла курс на мирное перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В. З. СОБОЛЕВ

После свержения самодержавия наша партия вышла из подполья. Большевистская организация в Смоленске начала работать открыто. Она развернула работу по разоблачению политики соглашателей и отрыву от них масс, по собиранию сил для развертывания социалистической революции.

Василий Захарович Соболев не щадил себя на работе. Болезненный, худой, измученный, он вместе с солдатами автомобильной мастерской, Вадимом Александровичем Смольяниновым и группой других товарищей, возглавил работу Смоленского комитета РСДРП(б). Приходилось сталкиваться с немалыми трудностями. Крупных промышленных предприятий в Смоленске было мало, влияние меньшевиков и эсеров было довольно сильным. Членов большевистской организации в первые дни после революции насчитывалось в Смоленске только 15 человек. Своего печатного органа не было. Меньшевиков же, эсеров и кадетов были сотни, причем эти партии издавали свои газеты [1]. В Смоленске находился штаб Минского военного округа, город был переполнен воинскими частями и тыловыми учреждениями Западного фронта; офицеры и значительная часть солдат тыловых учреждений были настроены контрреволюционно. Большевики вели большую работу в гарнизоне, особенно в автомобильных мастерских, солдаты которых состояли из высококвалифицированных в прошлом промышленных рабочих.

Кроме комитета РСДРП(б), В. З. Соболев вел активную работу в Смоленском Совете рабочих депутатов.

Смоленский Совет долгое время ютился в неприспособленном помещении. Неоднократно выносились решения занять под Совет бывший дом губернатора. Но выполнение этого решения тормозили меньшевики и эсеры. Тогда В. З. Соболев в один из нерабочих дней вызвал грузовую автомашину и за несколько рейсов перевез все имущество и дела Совета в губернаторский дом, оставив на двери старого помещения объявление: «Совет переехал в бывший дом губернатора».

Меньшевики и эсеры возмущались таким «неорганизованным» действием В. З. Соболева, но вынуждены были примириться с совершившимся фактом [2].

Основной задачей большевиков являлась в это время разъяснительная работа среди широких масс трудящихся, привлечение их на сторону большевистской партии. Необходимо было добиться, чтобы рабочие и крестьяне поняли, что Временное правительство — буржуазное по своему существу, что оно не может дать трудящимся ни мира, ни хлеба, ни земли, что добиться реализации своих требований они могут лишь в результате победоносной социалистической революции.

[1] Архив Института Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, 1917, оп. 1, д. 195, л. 1.

[2] Шаров И. Ф. Воспоминания о революционной деятельности В. З. Соболева и А. Ф. Мясникова в г. Смоленске в первые годы Великой Октябрьской социалистической революции. Хранятся в научном архиве Смоленского областного краеведческого музея, стр. 41.

Смоленский комитет партии не ограничивал свою деятельность только Смоленском. Его представители выезжали в уезды. Особенно большое внимание уделялось важным в военно-стратегическом отношении железнодорожным узлам и таким уездным центрам как, например, Ельня, где большевистские организации были еще слабыми.

В. З. Соболев бывал в Вязьме, Рославле, Ельне, часто выступал перед рабочими Смоленска. В некрологе на смерть В. З. Соболева, помещенном в газете «Правда», указывалось, что он выступал на митингах как любимый оратор рабочих.

1 мая в городе состоялась праздничная демонстрация. Смоленские большевики во главе колонны рабочих вышли с лозунгом «Долой войну!»

Временное правительство, верное своей империалистической политике и поддержанное эсеро-меньшевистским большинством I Всероссийского съезда Советов, начало наступление на фронте.

Смоленские большевики готовили массы выразить свой протест против продолжения войны. Контрреволюционный городской исполком, узнав об этом, издал приказ, запрещавший всякие митинги, собрания и демонстрации. Несмотря на это запрещение, большевистский комитет вынес решение провести антивоенную демонстрацию.

В назначенный день с Покровской горы показался пятитысячный отряд солдат, которых вел В. А. Смольянинов. К ним примкнула организованная на Армянской улице В. З. Соболевым колонна рабочих. Демонстранты несли лозунги: «Долой наступление!»; «Долой войну!» «Да здравствует РСДРП большевиков!» Все направились к Совету, затем на Молоховской площади состоялся массовый митинг.

После расстрела Временным правительством мирной июльской демонстрации в Петрограде в стране кончилось двоевластие, а с ним и мирный период развития революции. Наша партия поставила вопрос о вооруженном восстании.

К вооруженному восстанию стали готовиться и смоленские большевики.

К осени в городе стало заметно расти влияние большевиков. К середине октября они почти полностью могли опереться на 15-тысячный гарнизон. Контрреволюцию поддерживали лишь несколько сот казаков, некоторые части тыловых учреждений Минского военного округа и офицеры.

Рост большевистского влияния в массах наиболее ярко сказался на составе Смоленского Совета. Если к началу его создания большевиков в Совете было двое-трое, в августе — около 20, то накануне октябрьского переворота — более 50 человек.

За несколько дней до вооруженного восстания в Смоленске

был создан штаб восстания — военно-революционный комитет. Активным его участником был и В. З. Соболев.

О вооруженном восстании в Петербурге в Смоленске узнали на следующий день — 26 октября. Члены Совета собрались на заседание. Меньшевики и эсеры пытались протащить резолюцию, осуждавшую вооруженное восстание, организованное большевиками. Когда же большинство Совета отвергло их предложение, они покинули заседание, ушли в помещение городской думы, ставшей центром контрреволюционных сил. Здесь, в здании городской думы, заседал созданный в тот же день контрреволюционный «Комитет спасения», объявивший в городе военное положение. По улицам города разъезжали казачьи патрули, появились броневики, на окраинах были выставлены заставы. Обманным путем «Комитету спасения» удалось захватить в авиационном парке 41 пулемет. Меньшевики и эсеры пытались привлечь на свою сторону другие воинские подразделения, но безуспешно. Была сделана попытка разложить преданные революции воинские части; в тяжелый артдивизион неизвестно кем была прислана цистерна спирта с целью вызвать попойку. Но и это не удалось. Штаб Минского военного округа готовил нападение на Совет [1].

Большевики укрепили здание Совета. В саду поставили два бомбомета и миномет. Провели полевой телефон в артиллерийский дивизион. В окна Совета были выставлены пулеметы. В здании Совета был установлен воинский караул.

Вечером 30 октября состоялся пленум Совета. В переполненном зале делегат II Всероссийского съезда Советов рассказывал о вооруженном восстании в Петрограде. Вдруг в зале появился в сопровождении двух военных правый эсер Казаков и предъявил ультиматум от имени «Комитета спасения»: члены Совета должны сдать оружие и немедленно очистить помещение. На выполнение этого требования давалось 30 минут. «Комитет спасения» грозил открыть огонь по Совету в случае невыполнения условий ультиматума [2].

«Левые» эсеры пришли в замешательство и предложили разойтись. Большевики твердо решили не подчиняться ультиматуму. Они стали готовиться к обороне. Была установлена личная связь с артиллеристами.

Через некоторое время завязалась горячая перестрелка между окружавшими здание Совета казаками и оборонявшими здание Совета большевиками. Атаки повторялись несколько раз, но были отбиты.

Около двух часов ночи стрельба прекратилась, и к зданию Совета подошла делегация «Комитета спасения», вновь предложившая защитникам сдаться. Большевики отказались. Перестрелка возобновилась.

---

[1] История гражданской войны в СССР, т. II, стр. 474.
[2] Там же.

Перелом наступил во второй половине ночи. Выстрел из миномета попал в здание городской думы. Спустя немного времени по думе и штабу Минского военного округа начала бить легкая артиллерия. Около четырех часов к центру города двинулся караульный полк, который вступил в перестрелку с отрядами «Комитета спасения».

«Комитет» переполошился. В Совет была направлена новая делегация, которая теперь уже смиренно предлагала прекратить стрельбу и начать переговоры. Было достигнуто соглашение, по которому «Комитет спасения» распускался, военные действия со стороны штаба округа прекращались, контрреволюционные части немедленно выводились из города, все арестованные освобождались.

Однако 31 октября «Комитет спасения» и штаб военного округа нарушили соглашение. Они с помощью казаков пытались захватить артиллерийские батареи. Весь день в разных частях города происходили стычки с отрядами «Комитета спасения».

Победа осталась за большевиками. Воинские части штаба округа были разоружены. Казаки покинули город, часть из них была обезоружена. 1 ноября из Смоленска бежал комиссар Временного правительства [1].

Военно-революционный комитет занял железнодорожный узел. Несколько воинских эшелонов, следовавших в Москву на подавление восстания, были задержаны и разоружены смоленскими железнодорожниками, перешедшими на сторону социалистической революции.

Так в Смоленске в первые же дни Великой Октябрьской социалистической революции была установлена Советская власть. В течение последующих нескольких месяцев Советская власть победила во всех уездных центрах губернии.

Но враги народа во вне и внутри страны не могли примириться с победой власти Советов. Против молодой Советской республики поднялись на борьбу белогвардейцы. Иностранные капиталисты организовали интервенцию в Советскую Россию.

В этой обстановке В. З. Соболев много работал по укреплению Советской власти в Смоленской губернии.

Сразу же после победы Октябрьской революции Василий Захарович возглавил губернский и городской комитеты большевистской партии. Одновременно он работал заместителем председателя Смоленского Совета. 27 февраля 1918 года В. З. Соболев подписал декрет Смоленского Совета о роспуске городской думы. Вся власть в губернском центре сосредоточилась в руках Совета. В первые же месяцы существования Советской власти Совет стал проводить в жизнь «Положение о рабочем контроле над производством и распределением продуктов».

В феврале 1918 года, когда немецкие империалисты захвати-

---

[1] История гражданской войны в СССР, т. II, стр. 475—476.

ли значительную часть территории белорусских районов страны, в Смоленск прибыли партийные и советские организации этих районов и учреждения Западного фронта. Смоленская губерния вошла в состав Западной области, объединявшей не занятые врагом районы Белоруссии.

В это время В. З. Соболев работал в исполкоме Совета Западной области (облисполкомзапе) и областном комитете партии. В конце февраля 1918 года он вошел в состав Совета Народных Комиссаров Западной области, в должности наркома внутренних дел[1].

На втором съезде Советов Западной области, состоявшемся в апреле 1918 года, В. З. Соболев был избран заместителем председателя облисполкомзапа[2]. Председателем был избран видный деятель большевистской партии А. Ф. Мясников. Другим заместителем А. Ф. Мясникова был С. В. Иванов[3]. 9 сентября облисполкомзап, не освобождая В. З. Соболева от обязанностей заместителя председателя, утвердил его заведующим отдела труда[4].

Совместная работа с А. Ф. Мясниковым оказала на В. З. Соболева большое влияние. Мясников вступил в революционное движение еще в 1904 году. В годы первой мировой империалистической войны он вел большевистскую работу среди солдат. В Дорогобуже, где стояла учебная команда полка, в котором служил Мясников, он организовал большевистскую группу. По инициативе А. Ф. Мясникова в Белоруссии еще перед революцией была создана газета «Звезда», сыгравшая большую роль в жизни белорусских большевистских организаций. С февраля до конца 1918 года деятельность Мясникова протекала в Смоленске, где он был главнокомандующим Западным фронтом, затем председателем облисполкомзапа и несколько позже — председателем областного комитета партии.

Большевики Белоруссии и члены Смоленской партийной организации проделали большую работу по укреплению органов Советской власти, по борьбе с контрреволюцией, по мобилизации сил народа на разгром иностранной интервенции и внутренней контрреволюции. В Смоленской губернии были разгромлены белогвардейские кулацко-эсеровские мятежи, была подавлена контрреволюционная деятельность меньшевиков и эсеров. Серьезной задачей являлась борьба с разрухой и голодом.

После переезда из Смоленска в Минск (начало января 1919

---

[1] «Известия» Смоленского Совета, № 34 (62) от 26 февраля 1918 г.

[2] Там же. № 72 (100) от 16 апреля 1918 г.

[3] Иванов С. В., уроженец Смоленской губернии, член КПСС с 1904 года. За участие в кронштадском восстании матросов был приговорен к 15 годам каторги. Делегат VIII съезда РКП(б). После перевода А. Ф. Мясникова на партийную работу был избран председателем облисполкомзапа. В 1955 году за активное участие в революционном движении был награжден орденом Ленина. Умер в 1955 году.

[4] «Известия» исполкома Совета Западной области и Смоленского Совета, № 188 (216) от 12 сентября 1918 г.

года) партийных и советских органов Белорусской Советской Социалистической Республики В. З. Соболев остался в Смоленске в качестве главного руководителя губернских и городских партийных и советских органов. Еще 12 декабря 1918 года он был избран председателем исполкома Смоленского городского Совета[1]. После же переезда в Минск А. Ф. Мясникова и других руководителей облисполкомзапа он был назначен председателем временного органа — революционного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Смоленской губернии, действовавшего до созыва губернского съезда Советов[2].

В январе того же 1918 года В. З. Соболев вместе с С. В. Ивановым руководил губернской конференцией РКП(б) и губернским съездом Советов.

В марте 1919 года В. З. Соболев был на VIII съезде РКП(б) делегатом от смоленской партийной организации.

На многих ответственных постах пришлось в это время работать В. З. Соболеву. Но, пожалуй, главной областью его работы было профессиональное движение, активную роль в котором, как мы видели, он играл еще до революции.

Учитывая большой практический опыт В. З. Соболева, приобретенный еще в нелегальных условиях, смоленские рабочие избрали его председателем Смоленского губернского совета профессиональных союзов. Уже 28 мая 1918 года на заседании губернского совета профсоюзов В. З. Соболев присутствует как один из его руководителей[3], а заседание совета профсоюзов 26 июня проходит под его председательством[4]. 30 сентября 1918 года на пленарном заседании совета профсоюзов было принято решение об освобождении В. З. Соболева от обязанностей председателя ввиду его назначения заведующим отделом труда в Облисполкомзапе. На эту должность был избран В. И. Смирнов[5]. Но и после этого В. З. Соболев принимал самое активное участие в профсоюзной работе, присутствовал на заседаниях губернского совета профсоюзов, а также на заседаниях и собраниях в первичных профсоюзных организациях. Так, например, он вместе с В. И. Смирновым присутствовал на заседании фракции коммунистов и сочувствующих при профессиональном союзе печатников 19 сентября 1918 года[6]. От имени профессиональных союзов он приветствовал на торжественном собрании, состоявшемся 7 ноября 1918 года под председательством А. Ф. Мясникова, открытие в

---

[1] «Известия» исполкома Совета Западной области и Смоленского Совета № 293 от 15 декабря 1918 г.

[2] «Известия» Смоленского губернского революционного комитета и Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, № 3, от 4 января 1919 г.

[3] «Известия» Смоленского Совета, № 108 (136) от 4 июля 1918 г.

[4] Там же, № 129 (157) от 30 июня 1918 г.

[5] «Известия» исполкома Советов Западной коммуны № 232 от 3 октября 1918 г.

[6] Там же, № 250, от 24 ноября 1918 г.

Смоленске университета [1]. 17 ноября того же года он от имени профсоюзов выступал на торжественном открытии в Смоленске народной консерватории [2].

На профсоюзной работе в 1918—1920 годах В. З. Соболев проявил себя прекрасным организатором. Популярность и авторитет его еще более возросли. Влияние его на рабочих было огромным. В конце 1917 — первой половине 1918 года обстановка в губернии была чрезвычайно сложной. В профсоюзные организации иногда проникали меньшевики, которые, используя трудности, пытались посеять недоверие к Советской власти. В. З. Соболев разоблачал их предательскую роль.

Свергнутые классы, поддержанные меньшевиками и эсерами, выступили против Советской власти под знаменем Учредительного собрания, идея которого была еще популярной среди значительной части трудящихся.

Коммунистическая партия хорошо понимала, что Учредительное собрание, состоявшее в подавляющем своем большинстве из делегатов, отражавших интересы свергнутых революцией эксплуататорских классов, ничего народу не даст. Но надо было убедить в том массы. Для этого 5 (18) января Я. М. Свердлов от имени ВЦИК открыл Учредительное собрание. Однако его контрреволюционное большинство отказалось принять и обсудить «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и отказалось также подтвердить декреты II Всероссийского съезда Советов о мире и о земле. Большевики покинули Учредительное собрание, а 6 (19) января ВЦИК принял написанный Лениным декрет о его роспуске.

Трудящиеся Смоленщины, как и всей страны, единодушно одобрили роспуск Учредительного собрания, так как воочию убедились, что оно не только не намерено подтвердить самые дорогие народу завоевания революции — мир, землю и свободу, а стремится к возврату власти помещиков и капиталистов.

Однако контрреволюционные силы пытались еще выступать в поддержку отвергнутого народом пресловутого Учредительного собрания. Такие выступления имели место и в Смоленске.

31 января 1918 года здесь была организована контрреволюционными силами волна саботажа служащих. В городе были закрыты лавки, не работали городская управа, уездная земская управа и другие учреждения. В здании городской думы открылось собрание саботажников. Верхушка чиновничества пыталась объединить разношерстные мелкобуржуазные слои служащих вокруг изжившего себя лозунга Учредительного собрания. Но группа рядовых служащих пригласила сюда В. З. Соболева. В. З. Соболев говорил довольно резко. Он показал, что дала народу Советская власть и что хочет дать ему контрреволюция. Речь В. З. Со-

[1] «Западная коммуна», № 263 от 9 ноября 1918 г.
[2] Там же, № 273 от 21 ноября 1918 г.

болева произвела большое впечатление на тех участников собрания, которые по принуждению начальства пришли сюда под воздействием агитации контрреволюционеров. Предатели были разоблачены. Когда В. З. Соболев ушел, вслед за ним покинула зал значительная часть присутствовавших [1].

Другой пример. 7 июля 1918 года состоялось общее собрание членов профсоюза печатников. Руководство собранием удалось захватить меньшевистским и эсеровским элементам, которые пытались возбудить недовольство рабочих Советской властью. Предлогом явился арест на одном из заводов нескольких членов союза за участие в антисоветской агитации. Положение было не из легких; на собрание прибыли С. В. Иванов, В. З. Соболев и несколько позже — А. Ф. Мясников. В своих выступлениях они наголову разбили доводы меньшевиков и эсеров. Рабочие не захотели больше участвовать в собрании, которое враги пытались использовать в контрреволюционных целях, и стали расходиться. После перерыва собрание, за отсутствием кворума, не продолжалось [2].

В. З. Соболев работал, не жалея сил и времени, не щадя здоровья. Он появлялся то на одном, то на другом предприятии, неся большевистскую правду в массы. Как отмечал некролог, посвященный памяти В. З. Соболева, «В этот период В. З. Соболев пользуется безграничной любовью смоленских рабочих и такой популярностью, что даже злостные обыватели, настроенные против коммунизма, когда речь заходила о Соболеве, говорили: «Ну, это святой человек, таких больше нет» [3].

По призыву профсоюзных организаций тысячи рабочих Смоленской губернии уходили защищать Советскую власть на фронты гражданской войны. По призыву губернского совета профсоюзов, подписанному В. З. Соболевым, в 1918 году рабочие Смоленщины организовывали всеобщее воинское обучение, что сыграло большую роль в подготовке и формировании красноармейских частей.

В 1920 году В. З. Соболев серьезно заболел и по состоянию здоровья вынужден был оставить Смоленск и выехать на юг. По выздоровлении он некоторое время работал в Москве, на Урале, в органах Наркомтруда. Болезнь, обострившаяся в 1925 году, вновь, на этот раз окончательно, оторвала его от работы. 17 июля 1928 года В. З. Соболева не стало. На следующий день в газете «Правда» ячейка ВКП(б) отдела труда Моссовета и президиум Московского городского совета профсоюзов с глубоким прискорбием сообщили о кончине В. З. Соболева.

«Энергичный и деятельный... авторитетный работник, пламенный оратор, преданный революционер и твердокаменный большевик, обладавший всеми качествами замечательного работника-массовика, исключительно скромный, чуткий и обаятельный

[1] «Известия» Смоленского Совета, № 13 (41) от 1 февраля 1918 г.
[2] Там же, № 137 (165) от 10 июля 1918 г.
[3] «Правда», 18 июля 1928 г.

товарищ — таков был Вася Соболев...», — писала о нем группа товарищей в «Правде» [1].

Урна с прахом славного большевика была доставлена в Смоленск и похоронена в Парке культуры и отдыха, у подножья монумента Отечественной войны 1812 года. Проводить в последний путь В. З. Соболева пришли тысячи трудящихся.

Память о Соболеве бережно хранится в сердцах смолян. Его именем названа одна из улиц Смоленска. На могиле его в Парке культуры и отдыха установлена мемориальная плита.

[1] «Правда» от 18 июля 1928 г.

ЯКОВ ЕРМОЛАЕВИЧ ДЕМИДОВ

Яков Ермолаевич Демидов родился 10 апреля 1889 года в деревне Слобода, Дубровской волости, Поречского уезда, Смоленской губернии, в семье малоземельного крестьянина.

Детство будущего революционера было тяжелым. В большой семье Демидовых дело находилось и для мальчика: он пас скот и водил лошадей в ночное.

Мальчик рос живым, любознательным, подвижным. Его в семье все любили: и мать, и отец, и слепая бабушка, и дед Демид Харитонович [1].

Учился Яша в Дубровской двуклассной министерской школе, заведующим которой был тогда вдумчивый педагог Н. П. Кутасов. Дети любили своего учителя, всеми силами старавшегося развить в них лучшие наклонности: честность, правдивость, любовь к народу.

Влияние Н. П. Кутасова было особенно велико на Яшу Демидова, в котором опытный учитель заметил незаурядные способности. Между учителем и учеником сложились товарищеские отношения; мальчик бывал на квартире Н. П. Кутасова, помогал ему во внеклассной работе.

Годы его учения в Дубровской школе совпали с революционным подъемом в стране и первой русской революцией. Вокруг пылали помещичьи имения. Собирались митинги и сходы крестьян; по их решениям конфисковались помещичьи земли и передавались в руки народа.

Общественному пробуждению Демидова, несомненно, способствовал Н. П. Кутасов [2]. Николай Петрович был связан с рево-

[1] Демидов С. Е. Воспоминания о Я. Е. Демидове. Хранятся в научном архиве Смоленского областного краеведческого музея (в дальнейшем С. Е. Демидов), стр. 20—21.

[2] Кутасов Н. П. в начале 1918 года вступил в РКП(б). Активно участвовал в борьбе за установление и упрочение Советской власти. Во время контрреволюционного мятежа в ноябре 1918 года возглавил один из отрядов красногвардейцев, боровшихся против белых банд. Зверски расстрелян белобандитами в 1919 году.

люционерами, знал сочинения К. Маркса. Есть сведения, что в подвале Дубровской школы собирались тайные сходки революционеров.

По вечерам в Дубровской школе устраивались громкие чтения произведений классиков русской литературы: Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др. Читал сам Н. П. Кутасов, но иногда его заменял Демидов. И. Ф. Шаров до сих пор помнит его талантливую декламацию поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

По окончании Дубровской школы Демидов поступил в Поречскую городскую школу. Но средств не было, и школу пришлось бросить.

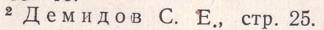
Я. Е. Демидов уехал в Москву на заработки. Сначала он работал вагоновожатым конно-трамвайной линии. Дядя его В. Д. Демидов, приютивший юношу, был участником революции 1905 года. Он много рассказывал племяннику о славных баррикадных боях, о своих встречах с Н. Э. Бауманом. Эти беседы содействовали формированию революционного мировоззрения любознательного юноши. Рассказы Василия Демидовича помогали ему разобраться в обстановке, понять причины тяжелого положения рабочих, будили мысли о борьбе против самодержавия и капиталистов.

Но не успел недавний крестьянин присмотреться как следует к рабочему быту, как оказался без работы. Пришлось вернуться в деревню и поступить кучером к поречскому помещику Белавенцеву, проживавшему под Москвой. Вскоре помещик промотался, и Демидов вновь оказался не у дел [1].

Он вернулся на родину, в деревню Слобода, где прожил около года. Вскоре его призвали в армию. Действительную военную службу проходил в Петергофе, в лейбгвардии драгунском полку. Способности Демидова обратили внимание военного начальства. Он был определен в учебную команду и к началу первой мировой войны получил чин вахмистра.

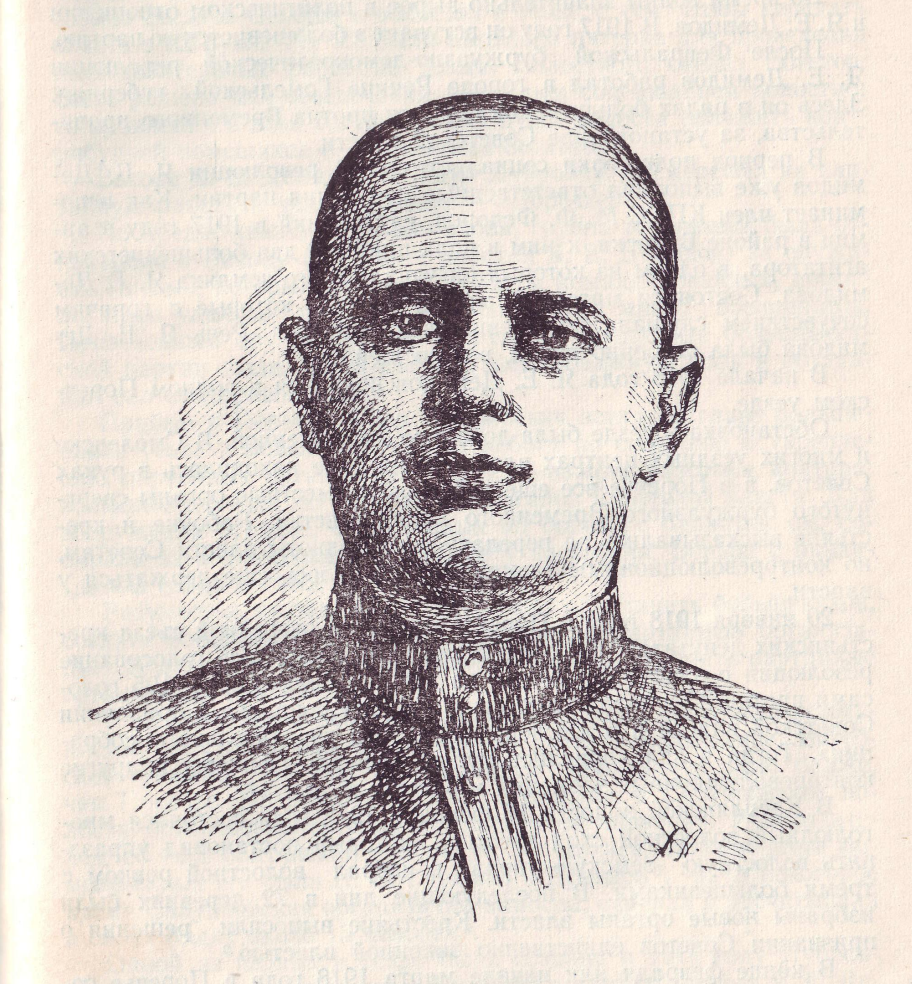
Во время мировой войны Я. Е. Демидов был на фронте. Вначале он не имел еще ясного представления о том, кто и в каких целях ведет войну и как к этой войне должны относиться рабочие и крестьяне. За храбрость, проявленную в боях, он был награжден тремя георгиевскими крестами. В 1916 году он был послан в офицерскую школу, по окончании которой, получив первый офицерский чин, был отправлен в действующую армию [2].

На фронте царская армия терпела одно поражение за другим. Из дому солдаты получали тревожные вести о разрухе и недородах, о голоде и т. п. Среди рабочих, крестьян, солдат, интеллигенции росла ненависть к царскому правительству. В тылу и на фронте обострялось революционное движение народа против войны и царизма. Призыв большевиков — превратить войну импе-

[1] Шаров И. Ф. Воспоминания о Я. Е. Демидове, рукопись, ч. III, стр. 13—15.

[2] Демидов С. Е., стр. 25.

Я. Е. ДЕМИДОВ

риалистическую в войну гражданскую — находил отклик в сердцах миллионов рабочих, крестьян и солдат. Царская армия, когда-то верная опора самодержавия, склонялась на сторону революции.

Во время войны значительно вырос в политическом отношении и Я. Е. Демидов. В 1917 году он вступает в большевистскую партию.

После Февральской буржуазно-демократической революции Я. Е. Демидов работал в городе Речице Гомельской губернии. Здесь он в рядах большевиков боролся против Временного правительства, за установление Советской власти.

В период подготовки социалистической революции Я. Е. Демидов уже выполнял ответственные поручения партии. Как вспоминает член КПСС М. Ф. Федоров, служивший в 1917 году в армии в районе Брянска, к ним в полк прибыли два большевистских агитатора, в одном из которых он узнал своего земляка Я. Е. Демидова. Состоялся массовый митинг солдат, которые с горячим сочувствием слушали большевистских ораторов. Речь Я. Е. Демидова была особенно яркой, волнующей [1].

В начале 1918 года Я. Е. Демидов появился в родном Пореческом уезде.

Обстановка в уезде была довольно напряженной. В Смоленске и многих уездных центрах власть давно уже находилась в руках Советов, а в Поречье все еще действовали местные органы свергнутого буржуазного Временного правительства. Рабочие и крестьяне высказывались за передачу всей полноты власти Советам, но контрреволюционным элементам удавалось еще держаться у власти.

20 января 1918 года в Поречье открылся очередной съезд крестьянских депутатов. На следующий день состоялось голосование резолюции о власти. Несмотря на все старания эсеров, 105 голосами против 35 в резолюцию была внесена поправка о признании Советской власти и исключены слова «до учредительного собрания». Тогда в зал ворвались купцы, бывшие офицеры и другие контрреволюционные элементы и разогнали съезд [2].

В Касплянской волости 15 февраля 1918 года состоялся многолюдный волостной сход крестьян, который постановил упразднить волостную земскую управу и избрал волостной ревком с тремя большевиками. В последующие дни в 72 деревнях были избраны новые органы власти. Крестьяне выносили решения о признании Советов единственно законной властью [3].

В конце февраля или начале марта 1918 года в Поречье состоялся первый уездный съезд рабочих, солдатских депутатов, который, однако, не смог принять ни одного серьезного решения, так как был разогнан контрреволюционной бандой.

Знакомиться с положением дел в уезде Демидов начал с Дубровской волости. Собрав вернувшихся с фронта большевиков и сочувствующих им, он попросил разузнать о настроениях крестьян. Затем в Дубровской школе был собран актив. Демидов выступил с докладом о международном и внутреннем положении молодой Советской республики и поставил задачу немедленного созыва съездов Советов в волостях и уезде, с тем чтобы передать власть в их руки. Тут же была выделена пятерка для проведения подготовительных работ по созыву волостного съезда Советов. Было решено для обеспечения денежным содержанием волостного правления и всех хозяйственных нужд волости обложить контрибуцией помещиков и деревенских богатеев [1].

Вскоре Я. Е. Демидов покинул Дубровку. Он перешел на партийную работу в уездный центр — Поречье.

По предложению Я. Е. Демидова, группа товарищей была отправлена в Речицу (где ранее работал Я. Е. Демидов) за оружием. Письмо, которым снабдил Демидов командированных, помогло, и им удалось привезти 400 винтовок и много боеприпасов. Привезенным оружием были вооружены преданные большевистской партии люди, и это сыграло немаловажную роль в обуздании сил контрреволюции.

Прибыв в Поречье, Яков Ермолаевич встал во главе большевиков уезда и повел энергичную работу по созданию и укреплению партийных организаций, по организации разгрома контрреволюционных сил, по укреплению органов Советской власти. Для вооружения отрядов, создаваемых по борьбе с бандитизмом, собирали за вознаграждение оружие у населения. Борьба с бандитизмом стала вестись более активно [2].

Разумеется, прежде всего надо было объединить большевиков, создать боеспособную, хорошо слаженную партийную организацию. А для этого необходимо было создать и укрепить партийные организации в волостях.

В Силуяновскую волость прибыло с фронтов несколько коммунистов, но стояли они на партийном учете в Колышкине, Витебской губернии, так как территориально Колышкино было ближе, чем Поречье. По настоянию Я. Е. Демидова в Силуяновской волости организовалась своя партийная организация. Руководителем ее был балтийский матрос М. К. Нахаев. Ближайшими помощниками его были П. Е. Глушнев и Дроздов [3]. Через некоторое время Силуяновская организация выросла, окрепла и насчитывала в своих рядах около 15 человек [4].

Одной из первых в уезде была создана в 1918 году Дубровская партийная организация. Вступили в партию учитель Я. Е. Демидова Н. П. Кутасов, М. Т. Майоров, И. Ф. Шаренков (Шаров) и др. Большевики вели большую работу среди крестьян своей во-

Footnotes (p. 86):

[1] Шаров И. Ф., ч. III, стр. 23—25.
[2] «Известия» Смоленского Совета, № 29 (57) от 20 февраля 1918 г.
[3] Там же, № 39 (67) от 4 марта 1918 г.

Footnotes (p. 87):

[1] Шаров И. Ф., ч. III, стр. 15—17.
[2] СОГА, ф. 542, д. 3, лл. 14, 81.
[3] Погибли в борьбе с контрреволюционной бандой братьев Жигаловых.
[4] Шаров И. Ф., ч. II, стр. 116—119.

лости. Именно поэтому Дубровская волость была твердой опорой уездного комитета партии в борьбе с белогвардейцами.

Крепкое большевистское ядро сложилось в уездном центре. Исполкомом Совета руководил член РКП(б) А. И. Мясоедов, впоследствии погибший на польском фронте. Отважный боец революции И. Богданов был назначен военкомом. Видную роль играли Кадров Е. М.[1], командир крупного красногвардейского отряда, первый комиссар земельного отдела А. Мочалов[2], начальник чрезвычайной комиссии, находчивый и всегда спокойный В. М. Шамков[3], комиссар земельного отдела К. А. Анисенков[4], комиссар по народному просвещению учитель Семенов[5] и др. Брат Я. Е. Демидова Семен Ермолаевич также активно участвовал в борьбе за укрепление Советской власти; именно в это трудное время, в 1918 году, он вступил в ряды Коммунистической партии.

Большевики возглавили борьбу трудящихся за установление Советской власти в уезде.

В марте 1918 года под руководством Я. Е. Демидова был созван второй съезд Советов Поречского уезда. Он состоялся в здании земской управы. Меньшевики и эсеры пытались сорвать работу съезда, но когда это не удалось, решили изменить повестку дня — превратить съезд в пустую говорильню. А когда и это не удалось, они покинули зал заседания.

Я. Е. Демидов выступал на съезде с основным докладом о текущем моменте. Делегат съезда И. Ф. Шаров вспоминает, что говорил он «с таким подъемом, что каждый делегат был уверен в несокрушимой силе Октябрьской социалистической революции». Доклад Демидова несколько раз вызывал громкие аплодисменты. Затем Демидов перешел к освещению внутреннего положения Советской страны, Смоленской области и Поречского уезда. Практические предложения докладчика сводились к следующему: отныне все меньшевистско-эсеровские учреждения в уезде и по волостям прекращают свое существование, вся власть переходит в руки Советов рабочих, крестьянских, солдатских и батрацких депутатов[6].

Второй съезд Советов сыграл большую роль в истории Поречского уезда: именно с этого момента фактически вся власть в уезде перешла в руки Советов.

---

[1] Кадров Е. М. — крестьянин-батрак, в годы гражданской войны командир добровольного отряда имени Дзержинского, сыгравшего большую роль в разгроме кулацко-эсеровских мятежей.

[2] Зверски расстрелян белобандитами весной 1918 г.

[3] Шамков В. М. — врач, член КПСС. Участник Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

[4] Анисенков К. А. — член КПСС с 1918 года, персональный пенсионер.

[5] Погиб во время контрреволюционного мятежа в Поречье 14 ноября 1918 г.

[6] Шаров И. Ф., ч. II, стр. 50—51.

Уже в первые месяцы Советской власти наша партия приступила к созданию новых, социалистических форм хозяйства в деревне. По указанию ЦК РСДРП, при губисполкоме был образован специальный орган — подотдел обобществления сельского хозяйства, который и руководил практически созданием социалистических хозяйств на селе.

Весной 1918 года проводилась большая работа по взятию на учет помещичьих и кулацких угодий, по выявлению нуждаемости малоземельных и безземельных крестьян и наделению их землей, инвентарем и скотом. При проведении учета помещичьего имущества активисты определяли пригодность местности и построек для устройства школ, медицинских пунктов, коммун, совхозов и прокатных пунктов сельскохозяйственных машин. Так, по воспоминаниям С. Е. Демидова, бывшего в то время заведующим земельным отделом в Дубровском волисполкоме, только в их волости были организованы совхоз в имении помещика Гедеонова Хотеево и коммуна; предусматривалось разведение новых сортов сельскохозяйственных культур и плодовых деревьев.

Такая работа проводилась по указанию уездного комитета партии по всему уезду.

Серьезной проблемой была организация продовольственного снабжения населения. Уже в первые месяцы 1918 года бедняцкое население было без хлеба. С наступлением весны положение ухудшилось. Как сообщала газета «Известия» Смоленского Совета, крестьяне Поречского уезда питались всякого рода суррогатами, примешивали в хлеб березовую кору и мякину. Кое-где были израсходованы на питание семена, и поэтому часть полей осталась незасеянной. Употребляли в пищу жмыхи и льняное семя[1].

Зимой, когда органы Советской власти были в уезде слабы, Я. Е. Демидов предложил дубровцам отправить уполномоченного за хлебом в урожайные губернии. Но он хорошо понимал, что хлеб есть и в уезде. Его спрятали кулаки, которые хотели задушить Советскую власть голодом. Надо было учесть излишки хлеба и отобрать их силой.

На это дело был мобилизован весь партийный и советский актив. Особенно большую роль сыграли комитеты бедноты. В конце июня — начале июля 1918 года Я. Е. Демидов лично побывал во всех волостях уезда, где создавал волостные и сельские комитеты бедноты[2]. Комитеты бедноты конфисковали у кулаков излишки хлеба и передавали голодающим беднякам.

Эта кампания проводилась по инициативе Я. Е. Демидова и под его контролем. По его распоряжению заготовлены были в типографии уездной газеты «Слово коммуниста» специальные бланки — обязательства, которые печатались на грубой оберточной

---

[1] «Известия» Смоленского Совета № 146 (174) от 21 июля 1918 г.

[2] Шаров И. Ф., ч. II, стр. 97.

бумаге. Комитеты бедноты пресекали попытки кулаков разбазаривать излишки зерна и уклоняться от сдачи их по данным обязательствам.

Враги Советской власти развернули ожесточенную борьбу против комитетов бедноты и других проводимых партией мероприятий в деревне. При этом они надеялись на помощь иностранных империалистов.

В июле 1918 года, во время работы V Всероссийского съезда Советов в Москве и ряде других районов страны, вспыхнул контрреволюционный левоэсеровский мятеж.

К этому времени готовился мятеж и в Смоленской губернии. В волостях формировались контрреволюционные отряды численностью в 10—15 вооруженных лиц. Выступления должны были начаться немедленно с получением из Москвы сведений об аресте Совнаркома и ЦК партии большевиков. В первую очередь мятежники намеревались разгромить волостные Советы, затем силами всех волостей направиться на разгром уездных центров и, наконец, пойти на Смоленск.

Но в Москве и других городах левоэсеровская авантюра была быстро ликвидирована. Провалился и широко задуманный план антисоветского мятежа на Смоленщине. Однако в отдаленных — Бельском и Поречском — уездах врагам удалось в эти дни начать погромные антисоветские выступления.

В Поречском уезде открытый мятеж охватил несколько волостей. Возглавляли его вначале два бывших поручика, потом общее руководство белогвардейской бандой перешло к «Барону Кышу» [1] Помощниками Кыша были три брата Жигаловых (сыновья бородинского попа Поречского уезда) и два белогвардейских офицера.

Белобандиты хотели террором запугать крестьян и заставить их пойти за собой. Они нападали на коммунистов и убивали их, мстили крестьянам за их поддержку Советской власти, терроризировали население, распространяли клеветнические измышления о Коммунистической партии и Советском государстве. В Каспле враги замучили председателя волкома партии и председателя волисполкома. Изуродованные трупы своих жертв они бросили в лесу.

Для борьбы с белогвардейским мятежом облисполком направил в Бельский и Поречский уезды регулярные части Красной Армии под начальством облвоенкома Кривошеина.

Поречский уезд был разделен на районы, в которые немедленно были посланы члены уездного комитета партии и исполкома Совета. Уездный Совет объявил врагами рабочих и крестьян Российской Федеративной республики и считающимися вне закона группу организаторов контрреволюционных банд, в том числе братьев Жигаловых [1].

[1] Под этой кличкой выступал эсер Ковалев (бывший учитель Духовщинского уезда). Пьяница и картежник, он называл себя «бароном», когда выигрывал, и кричал на всех пьяным голосом «Кыш», когда бывал в проигрыше. За это и получил прозвище «Барон Кыш».

В соответствии с принятым Совнаркомом постановлением о красном терроре, Совет в специальном обращении предупреждал бандитов, что за покушение на членов Совета и лиц, стоящих за Советскую власть, виновные будут беспощадно наказываться вплоть до расстрела [2].

Во всех волостях уезда было организовано всеобщее воинское обучение населения, коммунистические ячейки выделяли из своей среды военных инструкторов, которые готовили боевые дружины для разгрома контрреволюционных сил.

Обманутая вначале часть бедноты и среднего крестьянства скоро убедилась, что мятежники хотят снова отнять у них землю и восстановить дореволюционные порядки. Поэтому, несмотря на угрозы, крестьяне покидали бандитов. После двух-трех столкновений с красноармейским отрядом под начальством Е. М. Кадрова белобандиты отступили и на некоторое время скрылись в лесах, которыми так богат Поречский уезд.

Я. Е. Демидов в такой сложной обстановке большое внимание уделял партийно-политической и культурно-воспитательной работе, принимая в ней личное участие. Он хорошо понимал ее значение в борьбе за упрочение Советской власти, в разгроме кулацко-эсеровских мятежей.

В Поречье стала выходить газета «Слово коммуниста». Я. Е. Демидов принимал участие в редактировании ее, помещал в ней свои статьи и революционные стихи.

Он находил время для бесед с учителями, призывал их вставать на сторону Советской власти, обучать и воспитывать детей по-новому, в советском духе [3].

Его часто можно было видеть в волостных центрах, селах и деревнях, где он решал с партийным активом сложные партийные военные, организационные, хозяйственные вопросы, выступал на митингах и собраниях.

Не бросил Я. Е. Демидов и своего давнишнего увлечения драматическим искусством. Он возглавлял театральный подотдел в уездном исполкоме и сам выступал в спектаклях, перед началом которых обычно делал доклады о текущем моменте.

Осенью Антанта начала наступление на молодую Советскую республику. Окрыленные временными успехами интервентов, внутренние враги Советской власти опять подняли голову.

В Смоленской губернии контрреволюционные кулацко-эсеровские мятежи принимают теперь довольно широкий размах. Они привели к наиболее организованному и опасному взрыву здесь гражданской войны.

[1] «Известия» Смоленского Совета № 160 (188) от 7 августа 1918 г.
[2] СОГА, ф. 19, 1918, оп. 42, л. 69.
[3] Шаров И. Ф., ч. II, стр. 111.

В тот период на Смоленщине, как и по всей стране, ощущался острый недостаток продовольствия. Положение оказалось настолько тревожным, что облисполком вынужден был обратиться одновременно в Народный Комиссариат продовольствия, Совнарком и ВЦИК с телеграммой: «Смоленск без хлеба, идут бунты, положение критическое, высылайте скорей хлеба»[1].

Осенний мятеж начался почти в одно и то же время в ряде уездов. Прежде всего он вспыхнул в Духовщине и Велиже.

В то время как красноармейские отряды преследовали белогвардейскую банду в пределах Велижского уезда, враги готовили погромный налет на Поречье. До Октябрьской революции в уезде было до двухсот помещиков. Теперь в их имениях и на кулацких хуторах концентрировались белобандитские шайки. На подавление белобандитов в северных волостях Поречского уезда был направлен отряд под командованием Е. М. Кадрова. Для этой же цели, как докладывал сам Демидов, были мобилизованы все коммунисты[2]. Однако кулацко-эсеровским мятежникам удалось подойти к Поречью в ночь на 13 ноября.

Я. Е. Демидов в это время был болен и лежал у себя на квартире. Председатель исполкома Совета А. И. Мясоедов выехал по делу в Смоленск.

О тяжелом положении в уезде Демидову стало известно накануне захвата белобандитами города. Несмотря на болезнь, он отправился в уком партии, срочно собрал всех коммунистов Поречья и распорядился принять некоторые меры по охране города. Военкому Богданову было поручено немедленно установить связь с отрядом Кадрова и договориться о взаимодействии. Из коммунистов и городской бедноты был сформирован отряд, командир которого решил принять бой на подступах к городу. В военном комиссариате уездного Совета свила себе гнездо группа заговорщиков — бывших офицеров царской армии. Заговорщики пытались дезориентировать руководство, утверждая, что в уезде все спокойно и никакая опасность городу не угрожает. Они дали отряду неправильные сведения о расположении противника. Отряд, не обнаружив его, вернулся. Многие защитники города, успокоившись, разошлись по домам. Заговорщики вывели из строя пулеметы и ослабили караульные посты.

В ночь на 13 ноября белобандиты вошли в Поречье. Защитники города сражались храбро, но их было мало, дрались они разрозненными группами и не могли одолеть подготовившегося к атаке врага.

Узнав о вступлении мятежников в город, Я. Е. Демидов с помощью двух красноармейцев, схватил пулемет, вытащил его наружу и установил возле входных дверей здания, намереваясь открыть огонь. Но пулемет оказался испорченным.

[1] СОГА, ф. 13, 1918, д. 34, л. 5.
[2] Смоленский партийный архив, ф. 2, 1918, д. 22, л. 10.

Бандиты набросились на Демидова, свалили его с ног, связали ремнем руки назад и заключили в одну из комнат, куда вскоре стали вталкивать других арестованных[1].

Жигаловы вызвали Демидова на допрос. Они требовали отречься от его убеждений во всеуслышание, публично осудить политику Советской власти и призвать население к поддержке белогвардейцев. Демидов заявил, что считает для себя оскорбительным выслушивать такие вопросы и написал на бланке протокола допроса: «Я, Демидов, был, есть и умру коммунистом»[2].

Было приказано расстрелять Демидова. Его вывели на улицу, где уже собралась масса народу.

Демидов шел с высоко поднятой головой. Громким голосом, чтобы слышал народ, он потребовал от Жигаловых дать ему возможность сказать собравшимся людям несколько слов на прощанье. Ему отказали. В толпе послышались голоса негодования. Толпа напирала, вести арестованного было все труднее и труднее. Тогда палачи повернули обратно и водворили Демидова на прежнее место его заключения.

Казнили Демидова бандиты ночью, украдкой от народа, в ложбине южнее городской тюрьмы. Враги долго истязали коммуниста, издевались над ним, а потом убили.

Белобандиты ворвались в советские учреждения, захватили все документы, в том числе и партийные, печати и бланки.

В ту же ночь в разных местах города погибли ближайшие помощники и товарищи Я. Е. Демидова — Богданов, Мареев, Семенов и другие.

Гибель Я. Е. Демидова и других активных деятелей местных партийных и советских органов тяжелой болью отозвалась в сердцах трудящихся уезда. На могилах погибших товарищей они поклялись отомстить белобандитам, разгромить кулацко-эсеровских мятежников, довести до конца дело, за которое отдали свои жизни Демидов, Богданов, Мареев, Семенов и другие.

19 ноября исполком Поречского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил в память Я. Е. Демидова переименовать город Поречье в Демидов, а Поречский уезд — в Демидовский[3].

Это постановление, поддержанное губисполкомом, было вскоре утверждено Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.

Школьный учитель Я. Е. Демидова, друг и соратник его, Н. П. Кутасов опубликовал в губернской газете «Известия» статью «Памяти товарища Демидова».

«На скорбном фоне событий, разыгравшихся в гор. Поречье (ныне Демидов) в виде белогвардейского мятежа, особенною печалью выделяется смерть товарища Демидова, лучшего совет-

[1] Шаров И. Ф., ч. III, стр. 33—50.
[2] Там же, стр. 61.
[3] «Западная коммуна», № 277 от 27 ноября 1918 г

ского работника, истинного коммуниста, верного друга и защитника городской и деревенской бедноты. Убивая товарища Демидова, вожди белогвардейских банд, бывшие офицеры-поповичи, отлично знали, кого теряет в его лице город и уезд».

Статья заканчивалась словами:

«Демидов умер, и его смерть отзывается разом и тяжелой болью, и гордостью в сердцах коммунистов и советских работников... Он ушел... 14 ноября погиб от рук белогвардейцев... Мир твоему праху, дорогой товарищ. Будь уверен, что город, названный в честь и память твоего — Демидовом, никогда не забудет твоих вдохновенных слов и дел, твоей светлой личности, как не забудет тебя и вся беднота уезда, за которую ты отдал свою молодую жизнь»[1].

[1] «Известия» Смоленского Совета № 6 от 12 января 1919 г.

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ СМИРНОВ

Василий Иванович Смирнов — один из миллионов тех, кто в период Октябрьской революции и гражданской войны, не щадя жизни, боролся против врагов рабочего класса и трудящихся, за победу социалистической революции.

Василий Иванович Смирнов (1892—1919) родился в то время, когда в России, быстро развивавшейся по капиталистическому пути, сформировался новый класс — пролетариат. Пролетариат, начавший пробуждаться и выступивший на путь борьбы с капиталистами еще в 70-е годы прошлого столетия, к 90-м годам имел большой опыт революционной борьбы и превратился в серьезную общественную силу в России. Основанный в 1895 году В. И. Лениным Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» заложил основы большевистской партии, поведшей трудящихся нашей страны к борьбе с самодержавием и капитализмом, к Великой Октябрьской социалистической революции.

Смоленск не был крупным промышленным центром. Но и здесь в конце 90-х — начале 900-х годов были созданы марксистские кружки, в 1899 и 1903 годах были организованы первые маевки. А в 1905 году рабочий класс Смоленщины активно участвовал в буржуазно-демократической революции. Большого размаха достигла борьба крестьянства против помещиков, за землю.

В таких условиях проходили детство и юношеские годы В. И. Смирнова, выходца из рабочей семьи.

Отец В. И. Смирнова, бедный смоленский житель, работал сторожем, сапожничал, а мать ходила по семьям богачей, стирала белье, зарабатывая по 25 копеек в день.

Родители мечтали дать сыну образование, и в 1901 году девятилетнего Васю определили в школу. Но вскоре ее пришлось оставить. Тяжелый, изнурительный труд и постоянная нужда рано подломили силы отца, и он вынужден был бросить работу. Скоро семью постигло новое несчастье: мать заболела туберкулезом и умерла. Одиннадцатилетнему Васе приходилось зарабатывать себе хлеб разноской газет.

В. И. СМИРНОВ

В 1906 году мальчику удалось поступить учеником в типографию Гуревича. Нелегкая это была жизнь. Сверхурочно работали не только взрослые, но и дети, они трудились по 10—11 часов в день.

Энергичный, любознательный подросток, Вася Смирнов был частым посетителем рабочих собраний, митингов. Он жадно вслушивался в каждое слово выступавших ораторов, а затем забирался с товарищами в уголок мастерской и передавал им все, что мог запомнить.

Тяжелая и беспросветная жизнь рабочих, деятельность марксистских кружков в Смоленске — все это способствовало формированию у Смирнова передовых, революционных взглядов.

Возмужав, юноша стал деятельным членом рабочего коллектива. Детские мечты об улучшении участи рабочих сменились активными поисками конкретных путей к лучшему будущему.

После долгих хлопот и стараний удалось открыть в городе больничную кассу, ведавшую страхованием рабочих на случай болезни. Больше всего об этом беспокоился Вася Смирнов, и его имя становится широко известным среди рабочих и служащих Смоленска. В этот период он вступает в социал-демократическую организацию.

В 1914 году В. И. Смирнов был одним из организаторов и активным участником маевки. За это его подвергли двухнедельному аресту полиции.

Но не сразу удалось Смирнову стать на правильный, большевистский путь борьбы за дело пролетариата. В Смоленском комитете РСДРП в то время преобладали меньшевики. Отсутствие в городе крупной промышленности создавало благоприятную обстановку для распространения меньшевистского влияния среди рабочих мелких мастерских. Под таким влиянием находился первое время и социал-демократ В. И. Смирнов.

Когда началась первая мировая война, Смирнова призвали в армию. Но уже в 1915 году он был выслан из пределов Минского прифронтового военного округа за революционную пропаганду среди солдат. Некоторое время он находился в Самаре, потом его перебросили в Петроград, и в начале 1916 года Смирнов попал на фронт. Война помогла ему лучше разобраться в сложных событиях. Он не мог смириться с оборонческими взглядами, которые проповедовали меньшевики. На фронте Смирнов связался с армейской большевистской организацией и повел революционную работу, распространяя среди солдат большевистский лозунг поражения царского правительства в войне, превращения империалистической войны в гражданскую.

Вскоре после Октябрьской социалистической революции Смирнов возвратился в Смоленск твердым большевиком. Будучи больным, но полный кипучей энергии, он стал снова работать наборщиком. В числе рабочих, набиравших первый номер «Изве-

стий» Смоленского Совета, вышедший 24 ноября 1917 года, был и В. И. Смирнов [1].

Вскоре смоленские печатники избрали его председателем правления своего профсоюза. Кипучая деятельность В. И. Смирнова, его заботы о нуждах печатников, об укреплении трудовой дисциплины среди рабочих еще больше повысили авторитет большевика. Он избирается членом губкома партии, губисполкома, членом губернского совета профсоюзов, наконец, заведующим отделом труда губисполкома.

Сравнительно продолжительное время работал он в рабочей страховой кассе, где сначала был первым заместителем председателя. А затем, 4 декабря 1918 года, на заседании рабочей страховой кассы, был избран ее председателем [2].

Работал В. И. Смирнов не щадя себя. Он много сделал для улучшения и упорядочения медицинского обслуживания трудящихся, расширения сети медицинских учреждений. По его инициативе в Черном Бору (так называли тогда Красный Бор) был открыт дом отдыха для рабочих, а в городе — детская консультация. Он часто выступал на собраниях рабочих и служащих, призывая смолян стойко защищать революционные завоевания.

Имя Смирнова известно трудящимся Смоленской области и по борьбе с белогвардейскими мятежами в 1919 году. Для Смоленщины, как и для всей Советской страны, это был год невероятных трудностей и упорной борьбы за Советскую власть. В ряде северных уездов Смоленщины — Духовщинском, Демидовском, Бельском и других — белогвардейские банды терроризировали население, мешая людям строить мирную жизнь. Осенью 1919 года оживилась деятельность белобандитов в Духовщинском уезде. Они убивали партийных и советских работников, грабили учреждения, крестьян и т. д.

Для оказания практической помощи местным партийным комитетам и Советам на местах губком РКП(б) и исполком губернского Совета приняли решение направить в уезды ответственных работников [3]. С таким заданием в октябре в Духовщину прибыл В. И. Смирнов.

Он энергично принялся за выполнение поручения партии. Местный партийный и советский актив был организован на борьбу с бандитизмом. Были усилены отряды ЧОН (части особого назначения), установлено ночное дежурство и т. д. [4].

В. И. Смирнов неоднократно выступал перед трудящимися города и уезда, разъяснял им политику партии и Советской власти, решительно и убедительно разоблачал клеветнические измышления местной буржуазии, пытавшейся скомпрометировать перед населением новые, советские органы государственной власти.

[1] «Известия» исполкома Совета Западной области, № 292 от 14 декабря 1918 г.

[2] Там же.

[3] Архив Института Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, ф. 17, 1919, оп. 3, д. 287, л. 170.

[4] СОГА, ф. 13, 1919, д. 63, л. 141.

Однажды пришлось ему выступить на собрании учителей. Учителя отказывались работать в новой школе и подготовили резолюцию о недоверии к Советской власти. Простая, искренняя речь рабочего, не скрывавшего трудностей, но уверенного в их скором преодолении, расстроила ряды недоброжелателей. Многие учителя высказались за работу в школе, за укрепление Советов.

В. И. Смирнов собрал в Духовщине наиболее активных юношей и помог им создать в уезде комсомольскую организацию. В ней насчитывалось 59 комсомольцев.

29 октября В. И. Смирнов выступил в Духовщине на массовом митинге. В своей речи, произнесенной с истинным вдохновением, он заявил: «Мы может быть завтра должны будем умереть за великое дело рабочего класса, но должны и будем за него бороться»[1]. Это было последнее его выступление перед народом.

В то время красноармейские отряды преследовали остатки белогвардейских банд в северных волостях Духовщинского уезда. В Духовщине же оставалась только караульная команда в 50 человек, вооруженная берданками, причем не все они были исправными.

Слабой охраной Духовщины воспользовался один из главарей белогвардейской шайки, действовавший под кличкой «Князь Серебряный». Собрав около 200 бандитов, он 30 октября совершил налет на Духовщину. Плохо вооруженная охрана города не могла оказать белобандитам серьезного сопротивления.

Около полусотни хорошо вооруженных белогвардейцев поспешили в первую очередь окружить общежитие партийных и советских работников. Там в это время находилось пять человек, в том числе и В. И. Смирнов.

Коммунисты долго отстреливались, бандиты не решались брать дом штурмом. Наконец враги совсем были выбиты со двора, но, отступая, успели поджечь общежитие. В. И. Смирнов был тяжело ранен в голову и упал замертво.

Через несколько дней трудящиеся Смоленска встречали на вокзале привезенный из Духовщины гроб с телом В. И. Смирнова.

Смоляне чтут память рабочего-революционера. В десятую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции центральная площадь Смоленска, одна из улиц города, типография, где он работал, и открытая под его руководством детская консультация были названы именем В. И. Смирнова.

Тело В. И. Смирнова похоронено рядом с прахом В. З. Соболева в городском парке культуры и отдыха, в ограде памятника Отечественной войны 1812 года.

[1] «Рабочий путь», № 266, 2 декабря 1919 г.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1947.

В. И. Ленин. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах. Соч., т. 1.

В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? Соч., т. 2.

В. И. Ленин. Новый фабричный закон. Соч., т. 2.

В. И. Ленин. Насущные задачи нашего движения. Соч., т. 4.

В. И. Ленин. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. Соч., т. 4.

В. И. Ленин. Памяти Герцена. Соч., т. 18.

В. И. Ленин. Роль сословий и классов в освободительном движении. Соч., т. 19.

В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Соч., т. 20.

Плеханов Г. В. Забастовка в России. Соч., т. II.

Плеханов Г. В. Предисловие к речи Алексеева. Соч., т. III.

Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении (по личным воспоминаниям) М., 1940.

Бабушкин И. В. Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина 1893—1900. Госполитиздат, 1951.

Агуф И. Петр Алексеев — русский рабочий-революционер (1849—1891). «Исторический журнал», № 7, 1940 г.

Алексеев В. П. А. Моисеенко. В нкиге «Рабочее движение в России», вып. II, Харьков, 1926.

Альбом портретов русских революционеров. Издание общества политкаторжан.

Батурин Н. Очерки из истории рабочего движения 70-х и 80-х годов. Харьков, 1923.

Богучарский В. Активное народничество 70-х годов, М., 1912.

Волховский Ф. Русский ткач Петр Алексеев, М., 1906.

Государственные преступления в России в XIX веке. Под редакцией В. Базилевского (Богучарского) Л., 1920.

Гернет М. Н. История царской тюрьмы, т. III (1870—1900). М,. 1952.

Георгиев К. Петр Анисимович Моисеенко (1852—1923). Из истории революционного движения в России. «Пропаганда и агитация», № 16, 1938 г.

Демидов С. Е. Воспоминания о Я. Е. Демидове. Рукопись. Хранится в научном архиве Смоленского областного краеведческого музея.

«Известия» Смоленского Совета за 1918—1919 годы.

Каржанский Н. С. Московский ткач Петр Алексеев. М., 1954.

Кротов М. Якутская ссылка 70-х—80-х годов, М., 1945.

Кротов М. Убийство Петра Алексеева (по архивным материалам). «Каторга и ссылка», № 10 (47), 1928.

К истории рабочего движения 80-х — 90-х годов. «Красный архив», № 6 (91), 1938.

Коваленский М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах, кн. I, М., 1923.

Кудрина П. Еще раз о Петре Анисимовиче Моисеенко (по архивным документам). «Красная летопись», № 1 (19), 1924.

Левин Ш. Кружок чайковцев и пропаганда среди петербургских рабочих в начале 1870-х годов. «Каторга и ссылка», № 12 (61), 1929.

Майнов И. И. Петр Алексеевич Алексеев. 1849—1891. Изд. «Красная новь», М., 1924.

Моисеенко в Архангельской ссылке (документы 1886—1889 годов), «Красный архив», № 1 (92), 1939.

Никитин И. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», М., 1950.

Никитин И. Первые рабочие союзы и социал-демократические организации в России (70-е — 80-е годы XIX века). Госполитиздат, 1952.

Неопубликованные письма Петра Алексеева. Сообщил Н. Ф. Цвиленев. «Каторга и ссылка»., кн. 34, 1927.

Процесс пятидесяти. Под редакцией Каллаша. СПб, 1906.

Пекарский Э. Память рабочего Петра Алексеева. «Воля народа», № 93, 1917.

Пекарский Э. Рабочий Петр Алексеев (из воспоминаний). «Былое», № 19, 1922.

Письма Петра Алексеева из ссылки. «Каторга и ссылка», кн. 13, 1924.

Письмо М. Новицкого об убийстве Петра Алексеева. «Пути революции», кн., III.

Моисеенко П. А. Воспоминания П. А. Моисеенко. 1873—1923. М., 1924.

Моисеенко П. А. Морозовская стачка. «Пролетарская революция», № 1 (24), 1924.

Моисеенко П. А. От морозовской стачки. «Летопись революции», № 1 (6), 1924.

Моисеенко П. А. Революционное движение в 1875—1886 гг. среди рабочих Петербурга и Орехово-Зуева. «Летопись революции», № 5, 1923.

Морозовская стачка. М., 1925.

Морозовская стачка. «Пролетарская революция». № 1 (24), 1924.

Морозовская стачка (1885—1935). «История пролетариата в России», № 4, 1934.

Попов П. В. Воспоминания о Петре Алексееве. Рукопись. Хранится в научном архиве Смоленского областного краеведческого музея.

Попов П. В. По памятникам и памятным местам, связанным с именем П. А. Алексеева. Рукопись. Хранится в научном архиве Смоленского областного краеведческого музея.

Попов П. В. Альбом рисунков, схем и чертежей мест в Якутской АССР, связанных с именем П. А. Алексеева. Хранится в фондах Смоленского областного краеведческого музея.

Попов И. И. Альбом рисунков памятников, связанных с пребыванием П. А. Алексеева в Якутской ссылке. Хранится в фондах Смоленского областного краеведческого музея.

Памяти борца. «Каторга и ссылка», № 2 (9), 1924.

Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов под ред. А. М. Панкратовой, тт. I—III.

Серафимович А. С. У холодного моря. Анисимович.

Синегуб С. С. Воспоминания чайковца. «Былое», №№ 8—10, 1906.

Фигнер В. Процесс пятидесяти (воспоминания). «Каторга и ссылка», №№ 4, 5, 1927.

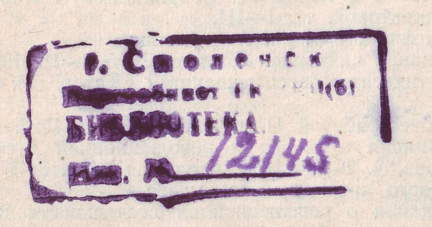
Цвиленев Н. Революционер-рабочий Петр Алексеев, М., 1928.

Шаров И. Ф. Воспоминания о жизни и революционной деятельности Якова Ермолаевича Демидова, ч. I—II—III. Рукопись. Хранится в научном архиве Смоленского областного краеведческого музея.

Шаров И. Ф. Воспоминания о революционной деятельности В. З. Соболева и А. Ф. Мясникова в городе Смоленске в первые годы Великой Октябрьской социалистической революции. Рукопись. Хранится в научном архиве Смоленского областного краеведческого музея.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Дмитрий Иванович Будаев

Рабочие-революционеры смоляне

Редактор *К. Валикова.*
Художественный редактор *А. Сафонов*
Техн. редактор *М. Филиппенкова.*
Корректоры: *С. Трескунова, А. Федорова.*

Сдано в набор 21/II—1957 г. Подписано к печати 18.IV—57 г. НК 01328. Бумага $60 \times 90^{1}/_{16}$ = $6^{1}/_{2}$ п. л. = = 3,25 б. л. Уч.-изд. 6,1. Тираж 6000 экз.

Смоленское книжное издательство. Смоленск, Большая Советская, 18, Дом книги. Заказ № 9061.
Типография имени Смирнова. Смоленск, площадь имени Смирнова, дом 2. Цена 2 р. 40 к.

2000

